

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая книга посвящена одному из самых важных вопросов общественной и личной жизни человека, — вопросу об уничтожении основной причины порабощения человечества, об уничтожении власти насилия над миром.

Автор этой книги и книга его, — одна из самых замечательных книг в этом направлении, — долго оставались совершенно неизвестными не только у нас в России, но и в Западной Европе. Даже на родине Балю, в Соединенных Штатах, только самый ограниченный круг людей, занятых гуманитарными вопросами, имеет понятие о личности и деятельности Балю. Между тем, это был один из самых выдающихся, самых благороднейших и гуманнейших деятелей Северной Америки, имя которого должно было бы с любовью повторяться каждым американцем.

Имена великих насильников — Наполеонов, Цезарей, Аттил, Бисмарков, Мольтке, Куроки, — известны каждому гимназисту. Имена же и сочинения таких борцов за освобождение человечества, от насилия, как Гаррисон, Хельчицкий, Балю — до сих пор были совершенно неведомы у нас и остались бы такими навсегда, если бы, сравнительно недавно, их не извлекло из тьмы неизвестности могучее перо Льва Толстого, навеки запечатлевшее их в памяти всех, кто читал его произведение «Царство Божие внутри вас есть», и сделавшее эти имена дорогими всякому, кому дорого истинное освобождение людей из царства насилия ¹⁾.

Толстой радостно приветствует в этой книге присланные ему американскими друзьями «Декларацию о непротivлении злу насилием» Гаррисона и «Катехизис непротivления» Балю.

Вот что говорит Толстой по поводу книги Балю:

«...Неизвестность постигла и другого борца за непротivление злу, недавно умершего, в продолжение 50 лет проповедывавшего это учение, американца Адина Балю.

«...Балю в продолжение 50 лет писал и издавал книги преимущественно о вопросе непротivления злу насилием. В сочинениях этих, прекрасных по ясности мысли и красоте изложения, вопрос рассмотрен со всех возможных сторон. Устанавливается обязательность заповеди «не противься злу насилием» для всякого христианина, исповедующего Библию, как Божеское откровение. Приводятся все обычные возражения против заповеди

¹⁾ Сочинение Хельчицкого „Сеть веры“ издано нами с предисловием Л. Н. Толстого. („Сеть веры“. Сочинение Петра Хельчицкого. Второе издание „Посредника“. Со вступительной статьей Л. Н. Толстого „Петр Хельчицкий“. Москва. 1907 г. Ц. 25 к.). — „Декларация“ Гаррисона напечатана в первом томе „Круга Чтения“, составленного Л. Н. Толстым (Издание „Посредника“. 1906 г.) и в брошюре „Свобода“ (издание „Посредника“), содержащей в себе избранные мысли о свободе из того же „Круга Чтения“.

непротивления как из Ветхого Завета, так и из Нового, как, например: изгнание из храма и т. п., на все составляют опровержения и опровергаются.

«....Нет стороны вопроса как для сторонников его, так и для противников, которая не была бы исследована в его сочинениях. Все это я говорю для того, чтобы показать тот несомненный интерес, который должны бы иметь такие сочинения для людей, исповедующих христианство».

Толстой писал это 15 лет тому назад. Но лишь теперь явилась возможность познакомить русских читателей с писаниями Балю о насилии.

Прежде чем читатель приступит к самой книге Балю, мы считаем необходимым сказать несколько слов об ее авторе и об основанной им общине.

Адин Балю разделял взгляды так называемой универсальной церкви, то есть союза, христиан, вера которых состоит в исповедании всемирного Отца всех людей и всемирного братства всех людей — детей Его.

Балю не ограничивался теоретическим исповеданием своей религии. Его вера была не верою только в душе или на словах.

Главной задачей его жизни, которую он с неуклонной твердостью преследовал до конца своих дней, было практическое осуществление учения Христа в жизни. С этою целью Балю с несколькими друзьями основал в 1841 году общину для совместной братской жизни и для проведения в ней христианского учения в его истинном смысле.

Дух этой общины лучше всего рисуется нам в описании общины, сделанном самим Балю в одном из его сочинений.

Он говорит, что их братство построено было на признании основою жизни христианского учения, такого, каким его проповедывал и исполнение которого показал на личном своем примере Иисус Христос.

Никаких обязательных, общих для всех, религиозных догматов, уставов или обрядов община никогда не требовала от своих членов. Все они были совершенно свободны в этом, предоставляя с полнейшей терпимостью друг другу двигаться своим особым духовным путем к высшим представлениям об истине.

Но практические христианские требования общины от своих членов были точны и определены. Они состояли, главным образом, в осуществлении на практике, в жизни, заповеди о высшей любви к человеку, как и к Богу, в неделании зла ни другу ни врагу, в воздержании от всякого распутства, от всяких одурманивающих напитков, от всякой дачи клятвы, от рабовладения и всяких примирительных сделок совести с рабовладельцами²⁾, в воздержании от войны и приготовлений к войне, от смертной казни и от всех кар и наказаний, в воздержании от всякого участия в каком бы то ни было антихристианском правительстве (а таковыми они считали все существовавшие тогда правительства), от каких бы то ни было обещаний давать военную силу, от голосования на выборах, от участия в

²⁾ В то время в Соединенных Штатах существовало еще рабовладение.

постановлении карательных уголовных законов, от всяких вооруженных восстаний и всякого насилия против отдельного человека, семьи, общества и правительства, от всякой помощи властям и в подавлении чего бы то ни было силой, от всякого такого общественного вмешательства, которое может проявиться лишь в действиях физической силы, и от всякого сопротивления злу злом, — одним словом, от всего, что, по их взглядам, противно божественной природе человека.

Община эта была, — как говорит Балу, — миниатюрной христианской республикой, терпимой правительством штата Массачусетс и правительством Соединенных Штатов, но вся жизнь которой шла совершенно вне окружающего ее государственного строя.

Государству нечего было делать в этой общине: в ней не было преступников, которых государство могло бы наказывать, не было беспорядков, которые государство могло бы усмирять, не было нищих, которых государство считало бы нужным поддерживать из государственной казны.

Община не просила для себя никаких распоряжений власти, никакой ни военной, ни уголовной защиты.

У нее была своя, так сказать, конституция, свои, другие, высшие, основные законы жизни, своя широкая, включавшая в себе благо всех людей в мире, политика, своя нравственная и религиозная охрана, свое собственное распоряжение собственностью, свое ведение своих промыслов и соби́рание и распределение доходов.

Это не было красное республиканство, потому что учение этих людей строго исключало всякое пролитие крови, но, вместе с тем, это был прообраз истинно демократической и социальной республики, в которой не признавалось никаких каст, никакого различия цвета кожи, пола, возраста, в которой каждое существо пользовалось равной долей в общей свободе, равенстве и братстве.

Как мы сказали уже, община основана была в 1841 году. В 1851 году в общине жило 36 семей — 175 человек. Община располагала 500 акрами земли, большая часть которой была прекрасно возделана общинниками, 30-ю новыми жилыми домами и тремя механическими мастерскими с водяными двигателями. Небольшая часовня служила сборным местом для занятий с детьми и для религиозных собраний.

1864 год был годом наивысшего расцвета общины.

К сожалению всех друзей братски-общинной жизни в Америке, Хопдэльская братская община просуществовала только до 1857 года, то есть 15 лет. Пока ею руководил Балу, — она развивалась все дальше и дальше в обрисованном нами направлении, совершенствуя свою жизнь, постоянно идя вперед в духовном отношении.

Но в последние ее годы доверием общины в области практических интересов завладел один ловкий делец, постепенно захвативший в свои руки управление делами общины. Под его влиянием часть членов общины

сосредоточилась исключительно на материальной стороне дела, увлекаясь стремлением к прибылям и т. п. Это подействовало разлагающе на дух общины. Кончилось тем, что ловкий «деловой человек» скупил, с помощью разных обманов, имение общины, и община должна была уничтожиться.

Во всяком случае, несмотря на свое недолгое существование, Хопдэльская община дала — за все лучшее время своего существования — высоко-поучительный пример братской жизни, исключившей из себя совершенно всякое насилие, всякую необходимость в каком бы то ни было принудительном, насильственном строе.

Такие примеры должны были бы светить яркими маяками для всего человечества на пути его сквозь тьму взаимной борьбы, вражды и насилия к обетованному царству братства и свободы.

Но, к сожалению, никто не заботится о разыскании этих примеров (а их вовсе не мало) и об ознакомлении с ними хотя бы юношества, сердце которого всего чутче к высоким примерам истинного братства.

Каждого юношу считают долгом познакомить со всевозможными проявлениями человеческой жестокости и братоубийства — с битвами персов и греков, с кровавыми зверствами походов Цезарей, Фридрихов Великих, Наполеонов, истреблением друг друга североамериканцами и англичанами, французами и немцами, японцами и русскими, — но никому не приходит в голову отводить в так называемой истории (потому что преподаваемая история не есть настоящая история, а жалкое изображение ничтожной части жизни человечества) место для великих проявлений братства в человечестве.

Когда же произойдет переворот во взгляде людей на насилие (а он неизбежно произойдет, — иначе люди будут века еще топтаться в слезах и крови друг друга), произойдет и переворот в нашем воспитании и образовании. И тогда людям будет стыдно не знать и про такие скромные, но великие по духу своему, попытки, как Хопдэльская община, и несколько не стыдно будет не знать о массовых убийствах, совершавшихся Наполеонами, Куроками, Цезарями, Китченерами, Девеями, Мольтками и им подобными.

Тогда в гимназиях вместо писаний сочинений о походах Юлия Цезаря и легионов его закованных в латы убийц будут, может быть, изучать книги, подобные предлагаемой книге Балу.

И только тогда, когда наступит такое время, только тогда долгожданные человечеством братство и свобода войдут в мир и воцарятся в нем.

И. Горбунов-Посадов.

УЧЕНИЕ О ХРИСТИАНСКОМ непротивлении злу насилием

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга написана в разъяснение и защиту очень непопулярного учения. Автор считает это учение столь же древним, как христианство, столь же истинным, как Новый Завет, но это учение мало кем понято, а отрицается оно почти повсеместно и почти всеми. И потому автор просит читателя отрешиться, насколько то возможно ему, от предубеждений и терпеливо проследить за всем написанным. Автор не льстит себя надеждой о том, чтобы все вложенное им в эту книгу понравилось бы одинаково всем, даже и тем, кто одобрит ее в основных ее положениях, и молит он лишь о том, чтобы и друзья и недруги были бы кротки, справедливы и великодушны, чтобы они отнеслись к этому труду, как бы к своему собственному.

С другой стороны, автор надеется, что и те из читателей, которые неблагоприятно отнесутся к этой книге, все же будут настолько человечны и честны, что не осудят труд единственно из-за предубеждения к личности автора. Пусть будет книга эта одобрена или осуждена единственно по собственным ее достоинствам или недостаткам.

Автор искренно и честно обращается к разуму, совести и высшим чувствам людей, а не к их плотским наклонностям и не к низменным их стремлениям. Пусть же и чтение книги этой и оценка ее, и возражения будут исходить из соответствующих друг другу стремлений.

Честный ценитель спросит: „Находится ли она в полном согласии с божественной истиной и справедливостью?"

— Рассмотрим ее, разбери — и увидишь.

Критик из враждебного лагеря станет искать в ней заблуждений, ошибок, промахов, несостоятельности и слабых мест. Если такие недостатки окажутся, то нужно их обнаружить и изобличить, — это даже необходимо, но обличитель должен доказать, что он убежден в том, что понимает предмет, понимает точно и ясно содержание книги и имеет основание опровергать ее тезисы вескими доводами и доказательствами. Книга эта так проста, понятна и недвусмысленна по доводам своим и по способу изложения, что серьезные недоразумения и лжетолкования едва ли возможны.

Эта книга скорее для будущего, чем для настоящего времени, и она будет лучше оценена через полвека, чем теперь. Но заря лучшего будущего уже занялась, и надо помогать искре этой разгораться в пламя. Великое переходное брожение человеческих умов уже началось, и царство военных и судебных насилий должно уступить место царству всепрощения, терпения и милосердия. Час торжества добра приближается, и близость этого часа

чувствуется глубоко многими передовыми умами, рассеянными по всему христианскому миру.

Убеждение автора в близости царства Божьего на земле так твердо, что он счел себя как бы призванным, как бы облеченным долгом составить эту настольную книгу для людей, нуждающихся в ней.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О христианском непротивлении злу насилием.

1.

Различные роды непротивления.

Что есть христианское непротивление?

— Это первоначальный и особый род непротивления, которому словом и делом учил Иисус Христос, слова и дела которого изложены в Новом Завете.

Существуют ли еще другие роды непротивления?

— Во-1-х, есть философское непротивление различных оттенков. Оно не признает ни божественного откровения, ни значения Иисуса Христа, как Божественного Учителя, исключает все религиозные соображения и выводит свои умозаключения из законов природы, из предполагаемой целесообразности всего существующего и необходимости всех последствий.

Во-2-х, существует еще сентиментальное непротивление, различных тоже оттенков, — оно происходит, как уверяют, вследствие внезапного внушения высших человеческих чувств на высоких степенях его развития.

В-3-х, есть еще невольное непротивление, обыкновенно называемое пассивным послушанием, — оно повелительно проповедуется деспотами своим подданным и именуется священным долгом и высшею добродетелью.

Этот род непротивления рекомендуется мирскою осторожностью всем жертвам гнета и насилия, пока угнетаемые не могут избавиться от притеснителя.

С этой последней разновидностью христианское непротивление не имеет ничего общего. С первыми же двумя категориями непротивления: философским и сентиментальным, общих точек соприкосновения много, так как они не что иное, как искаженные человечеством копии с настоящего христианского непротивления, которое совмещает в себе все доброе обеих копий без примеси зла, находящегося в каждой из них.

2.

Значение слова „непротивление“.

Прежде всего следует точно определить значение слова „непротивление“. Я употребляю его исключительно и единственно в

применении к образу действия человека относительно других людей и не касаюсь вопроса этого по отношению к животным, неодушевленным предметам и силам природы.

Я иду дальше, и не допускаю употребления этого слова в смысле совершенного бездействия в отношении к людским делам. Я требую права самого высшего нравственного сопротивления (на какое Господь дал мне способности) всякому проявлению зла в роде человеческого. Мало того, я считаю такое нравственное противление своим долгом.

В этом смысле самое мое непротивление становится высшею степенью противления злу.

Но я и на этом не останавливаюсь. Я заявляю смело, что существует безобидная, безвредная, благожелательная и благодетельная физическая сила. Бывают случаи, при которых не только позволительно, но и обязательно сдерживать и усмирять людей этою благою физической силой. Помешанные, лежащие в бреду больные, злые и капризные дети, люди, находящиеся в состоянии умственной или нравственной невменяемости, пьяные, бешеннострастные и все вспыльчивые люди бывают часто способны совершить такие злодеяния, от которых удержать их необходимо даже при содействии мускульной силы. И этот род противления будет безобиден и благ.

Если же злодей, с заранее обдуманном намерением, посягает на жизнь брата, тогда надо бесстрашно ставить собственное свое тело преградой между убийцей и его беспомощной жертвой. Предпочтительнее смерть в этом положении противника, чем положение индифферентного зрителя. Итак, христианское непротивление есть только полное воздержание от нанесения личного вреда, от непротивления обиде — обидой, вреду — вредом, злу — злом. Далее этого непротивление не идет.

Почти что всемирное убеждение и вся практика человечества были всегда на стороне противления обиде — обидой, вреду — вредом. Признано человеческой мудростью справедливым и необходимым, как для отдельных личностей, так и для целых наций, делать известную долю зла в виде острастки предполагаемому еще большему злу.

Последствиями этих убеждений оказались: всеобщее недоверие, подозрительность, вооружения, насилия, пытки, смертные казни. Земля стала полем сражения, громадной бойней, театром взаимного лицемерия и ужасающих жестокостей.

Люди опьянели от взаимного мщения, и те из них, которые имели возможность делать наиболее зла в воображаемую защиту жизни, чести и прав собственности, государственных установлений и законов, те люди были обоготворены, их чтят, как героев и правосудных владык мира.

Непротивление отвергает этот ужасный обман, восстает против такого дикого самообольщения, возвещает невозможность победить зло — злом, и, обращаясь с искренним воззванием ко всем униженным и обиженным рода человеческого, увещевает и поучает их, во имя Бога, никогда более не

противиться обиде — обидой. Оно убеждает их в том, что, повинаясь закону любви, несмотря ни на какие вызовы и искушения, и перенося добровольно всякую невзгуду, лишь бы самим не провиниться в ней, они, в конце концов, со славою победят зло — добром и избавятся от всех врагов своих, обратив их в верных друзей.

3.

Значение слова „сила“.

Определив и ограничив значение слова непротивление, — нам кажется уместным сделать то же и относительно некоторых других выражений, которые часто будут употребляемы при дальнейшем изложении.

Одно из таких слов будет слово „сила“.

Непротивящиеся, равно как и другие, имеют привычку употреблять это слово слишком свободно и тем самым дают непосвященным повод к недоразумению, а заинтересованным противникам тем самым дают повод к искажению и лжетолкованию смысла, в котором слово это употребляется в учении о христианском непротивлении.

Значение слова „сила“, forse, определяется в словарях следующим образом: сила (телесная), крепость (телесная), власть, насилие, мужество, могущество, мощь, власть закона, воинственные приготовления, вооружения, судьба, неизбежность, роковое столкновение.

Но кроме этих значений, слово это может еще означать: могущество, власть и крепость нравственную. Так, мы можем говорить о силе любви, о силе истины, о силе общественного мнения, о силе убеждения, о силе непротивления и т. д.

По отношению к телесной силе людей мы можем говорить о благодетельной, милостивой, благой, безвредной и безобидной силе, подразумевая под этими выражениями применение мускульной силы с целью благожелательного предупреждения какого-либо вреда, наносимого людьми другим людям.

В этом сочинении слово „сила“ будет иметь одно из следующих условных значений: насилия, военной силы, положительного мщения, разрушительной, смертоносной силы, — словом, в смысле обидной, вредной силы.

Применение вредной силы всех родов и степеней между людьми несовместимо с непротивлением.

Выражение — нравственная сила — должно быть, вследствие вышеизложенного, понимаемо, как синоним выражения: нравственная власть, действительное влияние нравственного могущества, крепости, твердости нравственной.

Выражение — физическая сила, — в отличие от нравственной, будет употребляться в смысле: материальной силы, действия одного тела на

другое (принуждение слабого уступать сильному), посредством чисто животной силы или механических приспособлений.

Как нравственная сила может быть доброю или злою вредною или безвредною, обидною или безобидною, смотря по своему духу, по способу применения и по преследуемым целям, так точно и физическая сила может быть добра или зла, полезна или вредна по тем же самым соображениям.

4.

Значение слова „обида“.

Я употребляю слово это в несколько особом значении, а именно, в смысле нравственного или физического насилия одного человека над другим с тем неперменным условием, чтобы последствием тех действий было бы уничтожение или повреждение жизни, физических или умственных способностей, извращение нравственного или религиозного чувства, уничтожение и повреждение общего благосостояния или полного благополучия той личности, над которой сделано означенное нравственное или физическое насилие, при чем безразлично, — права ли та личность или виновна, вредна или полезна, преступна или невинна, больна или здорова, взрослая ли она или малолетняя.

Некоторые лексикографы определяют слово обида следующим образом: вред, оскорбление, насилие, которым известная личность несправедливо подвергнута, и этим определением как бы дают понять, что оскорбление, вред или насилие, нанесенные личности, ничего лучшего не заслуживающей или подвергшейся тем насилиям по справедливости, вовсе не есть обида. Я отвергаю такого рода толкования и называю обиду — обидой, будь она заслужена или незаслуженна, преднамеренна или нечаянна.

На этот тезис всегда готова масса стереотипных возражений:

— А что, если вам будет доказано, что подвергать в некоторых случаях личной обиде людей преступных или вредных справедливо и согласно с Законом Бога? — говорят одни.

„Тогда, конечно, будет доказано, что учение о непротивлении — ложно“, отвечу я.

— А что, если вам докажут, что нанесение мелких частных обид предупреждает гораздо большее зло?

„Тогда будет доказано, — скажу я, — что люди должны делать зло для того, чтобы вышло добро; тогда будет доказано, что миру следует оставаться точь в точь в таком же состоянии, в каком находится теперь“.

— А что, если будет доказано, что лицо, нанесшее обиду, искренно и честно считало обиду ту благодеянием?

„Это будет только доказывать, что означенное лицо, искренно и честно заблуждалось и потому порицания не заслуживает“.

— А если человек убивает и наносит ряд других обид на строгом основании установленных законов человеческих, да к тому же делает это без злобы и мстительности и без злого умысла?

„Тогда он совершает дела антихристианские, не сознавая значения своих поступков; дела те простятся ему потому, что он ходил во тьме, но просветить его разум и совесть необходимо; надо научить его жить по учению Христа, но ни в каком случае не следует упускать из виду, была ли нанесена обида или нет, не рассуждая, не определяя, не задавая даже вопроса о том, был ли обиженный преступен или невинен, справедливо ли она нанесена или несправедливо.

„Если действие включает в себе обиду, оно противно учению христианского непротivления, и никто не может повторить обиды той под каким бы то ни было предлогом, не нарушив тем заповеди Христа”.

— А что делать, если безобидная сила окажется несостоятельной, — продолжает свои инсинуации рутинная нравственность, — надо ли будет снова жертвовать человеческими жизнями, прибегать к пыткам, казням и всякого рода обидам, дозволенным законами человеческими в крайних случаях?

„Никогда! Основное учение о безобидности должно соблюдаться ненарушимо. Одно это учение стоит целых миров. Оно должно быть незыблемо, непоколебимо и охраняемо от всяких случайностей”.

Что не может быть сделано безобидно, того не надо делать вовсе, к тому же все эти крайние случаи по большей части вымышлены.

Истина в следующем: то, что не может быть сделано безобидно, того вовсе и никогда не следует делать.

5.

Значение выражения „христианское непротivление”.

Слово не протivле н и е имеет своим корнем изречение Христа: „Не противься злему” (Мат. гл. 5, стих 39). Отглагольной форме — не противься — придано значение имени существительного и создано было слово — непротivление. Выражение это поразительно многозначительно, — им выражается лучше, сильнее и яснее всякого другого слова и основное правило и обязанность, возлагаемая на нас учением нашего Спасителя.

Названо же оно христианским в отличие от философского, sentimentalного и невольного, как первообраз их.

Итак, христианское непротivление есть то первообразное непротivление, которому учил Иисус Христос словом и примером, то правило, которое в применении своем должно быть изучаемо в писании Евангелия.

Краткий обзор применений этой заповеди уже произведен мною в предшествующих определениях, но я объясню их пространнее. Мое стремление направлено к тому, чтобы нести возложенные на меня

обязанности настолько, насколько они возложены на меня Христом. Очень легко зайти дальше или не дойти до настоящих границ. Ультра-радикалы и ультра-идеалисты ушли гораздо далее учения Христа, а ультра-консерваторы до него не дошли. Даже и те люди из обоих лагерей, которые признают себя исповедующими учение Христа и считают себя солидарными с Ним, так перетолковывают само учение, что сами же поощряют обоюдные заблуждения. Ультра-радикалы хватаются за иносказательные, гиперболические и напряженно-сжатые формы выражения и обороты речи и придают им такой смысл, что кажется, будто Христос подразумевал нечто гораздо больше того, что Он сказал или мог подразумевать. Ультра-консерваторы ловко отскребают, устраняют и уничтожают основной смысл, самую суть учения, так что кажется, будто Христос подразумевал гораздо менее того, что Он мог подразумевать.

Существует, однако, общее правило, которое почти безошибочно обнаруживает заблуждения представителей обоих лагерей. Нужно всегда иметь в виду общую связь всех текстов — контексты, параллельные тексты, — нужно принимать во внимание евангельские примеры и дух учения Христа. Всякое толкование речей и действий Христа, записанных в Евангелии, в которых все согласно и сходно, всегда будет толкованием истинным и здравым. Те же, которые не сходятся в чем-либо с вышеизложенными основами, будут вероятно ошибочны.

6.

Основной текст непротивления.

„А Я говорю вам: не противься злому“ (Мат. гл. 5, ст. 39). Когда он правильно истолкован, текст этот дает ключ к истинному пониманию самой сути рассматриваемого учения и его приложения. Это одно из тех изречений, которые поддаются самым произвольным перетолковываниям, так что можно ему придать значение гораздо больше и шире, чем подразумевал изрекший его Учитель, или можно умалить значение до минимума требований практических.

Правило это высказано в сжатой, напряженной форме и может быть понято только при помощи его контекстов.

Первым вопросом для разрешения будет: как понимал Христос слова: „злому“ и „не противься“.

Существует разного рода зло. Под это слово подходят понятия, во-1-х, страдания, потери, бедствий, переносимых вследствие причин, ничего не имеющих общего с нравственными началами; во-2-х, порок, грех, т. е. зло нравственное; в-3-х, искушения греховные или зло умственное и, в-4-х, личные непосредственные обиды, оскорбления и вред.

О каком зле говорит Христос в своем изречении? Говорит ли Он о пожарах, наводнениях, голоде и недугах, — словом, о зле стихийном? Конечно, нет. А следовательно, и не запрещает противиться этому злу.

Говорит ли Он о пороке и грехе вообще? — Да нет же! И мы наверно можем заключить, что противление пороку и греху вообще не только не запрещено, но входит в круг наших обязанностей.

Говорит ли Он об искушениях, о тех улавливающих нас в грех соблазнах, на которые так падки люди, благодаря плотским их наклонностям и страстям? — Еще раз нет. А потому не воспрещается нам противиться, бороться со злыми побуждениями нашей собственной плоти и усмирять злые наши вожделения.

Говорил ли Он о зле личном, об обиде, наносимой человеком человеку?

Да. „Вы слышали, что было сказано прежде: око за око, зуб за зуб, а Я говорю вам: не противься злому“, т. е. личному насилию, оскорблению, обиде. Здесь, в связи с остальной речью, слово зло — бесспорно означает обиду, нанесенную человеком человеку.

Что же значит выражение: не противься.

Существуют разного рода противления, применимые против угрожающих еще или уже осуществившихся личных обид. Между ними следует различать: во-1-х, противление пассивное, бездействующее, — мертвое молчание, унылая неподвижность, полная телесная беспомощность, совершенное отречение от способности говорить и действовать. Есть ли в контексте указание на то, чтобы Иисус имел в виду такого рода противление? Нет.

Во-2-х, существует еще противление нравственное, деятельное, справедливое, благожелательное, — кроткое, но твердое обличение, — словом, протест. Указывают ли соединенные тексты на то, чтобы Иисус запрещал такое кроткое противление? Нет.

В-3-х, есть еще физическое противление, деятельное, твердое, примиряющее, безобидное и имеющее целью удержать от насилия или от оскорбления человеком человека. Об этом ли противлении размышлял Иисус? Есть ли в контекстах указание на то, чтобы запрещалось непротивление с целью добра? Нет и нет!

В-4-х, существует противление личной обиде нанесением такой же личной обиды. Случаи, когда человек лишает жизни, чтобы спасти свою жизнь, повреждает глаз противника с тем, чтобы защитить свой глаз, наносить сильный удар, чтобы предупредить удар. Существуют законы возмездия, в силу которых человек считает себя в праве жертвовать жизнью в наказание за погубленную жизнь, берет око за око, зуб за зуб, руку за руку и т. д. Существуют правительственные установления, в назначенье которых входит подвергать личность, признанную вредной или опасной, разного рода наказаниям.

Вот об этой-то разновидности противления и говорит Христос. Именно такое противление Он запрещает.

„Не противься личной обидой — личной обиде“, — говорит Христос.

Сказанного достаточно для определения сути и ограничений этого учения. Оно обнимает все человечество, относится ко всем общественным

отношениям, касается всех обиженных и находящихся в неминуемой опасности быть обиженными. Оно повелевает воздерживаться от личных обид и в виде средства для предупреждения обид воздерживаться от возмездия и самообороны: если ударять тебя по правой щеке, подставь и левую, — лучше подвергнуть себя второй обиде, чем унижить себя до нанесения оскорбления брату.

7.

Необходимые применения непротивления.

Применение этого учения необходимо во всех случаях человеческого общения, во всех тех случаях, когда обида одного человека другим должна быть отстранена или предупреждена.

Люди могут быть поставлены лицом к лицу с вопросом об обиде обидою, во-1-х, как отдельные личности, во-2-х, в качестве незаконного сообщества нескольких личностей, в-3-х, как члены дозволенных сообществ, в-4-х, в качестве установленных властей, правителей, избирателей — как столпы существующих государств или народоправительств. Находясь в каждом из этих четырех положений, люди противятся обиде обидой — или для немедленной самозащиты, или для возмездия и наказания. Они могут действовать непосредственно или при посредстве пособников — лиц, употребляемых для исполнения их воли. Соединяясь в незаконные сообщества, они могут совершать насильственные действия сообща, прямо и открыто, или тайно при посредстве тайных пособников, или же, как обыкновенно и происходит, при посредстве признанных и уполномоченных вожаков. Как члены дозволенного свободного сообщества, они имеют возможность пользоваться громадным влиянием и не прибегая к явному насилию. Школы, кафедры и амвоны в их руках, и они пользуются этими орудиями, чтобы обманывать, развращать людей, повреждать человеческое разумение, возбуждать дурные страсти, научать злу и науськивать людей друг на друга.

Как существенная поддержка и опора человеческих правительств, люди нравственно ответственны за все конституции, уложения и законы, которые они обязались поддерживать, при чем безразлично, поддерживают ли они те учреждения сознательно или только покоряются им без увещаний, без возражений, без протеста.

Итак, если политическое собрание, гражданский или военный союз, лига, договор или конституция поддерживают или допускают войну, смертную казнь, рабство, или какую-либо иную форму безусловной обиды, то и человек, который клянется, присягает, т. е. связывает себя обязательством поддерживать такой союз, лигу или конституцию, ответствен за каждое насилие, совершаемое в силу тех договоров или конституций.

Его ответственность прекращается только с нарушением конституции, но за все, что сделано согласно с узаконениями, которые он под присягою

обязался поддерживать, он ответствен. Войско — его войско, флот — его флот, позорный столб, эшафот, каленое железо, тюрьмы, одиночное заключение, крепости, каторга — все это его, его каторга, его плаха, его каленое железо.

И он не может отнекиваться и оправдываться тем, что принадлежал к гуманитарному меньшинству: он принадлежал правительству. Он клялся, присягал в том, что большинство будет иметь право произвольно совершать всякие акты насилия: объявлять войну, ссылку или смертную казнь. Он связал себе руки этим антихристианским обязательством. Он приказал своему разуму стоять заодно с большинством во всех случаях, претящих ему лично, и все ужасы войны, пыток и казней совершены с его торжественного разрешения.

И нет ему выхода из этого страшного нравственного сообщества, кроме сознательного полного устранения себя от солидарности с таким правительством и непримиримого протеста против антихристианских начал, которые положены в основу таких государственных узаконений.

8.

Чего истинный христианин делать не может.

Из того, что уже сказано, ясно, что христианин-непротивник не может:

1) Убивать, калечить человека или наносить ему какую-либо обиду, ни в видах самозащиты, ни в защиту своей семьи или кого-либо другого.

2) Участвовать в каком-либо заговоре, бунте, народном восстании, имеющем целью совершение какого-либо насилия.

3) Не может быть членом какого бы то ни было, хотя бы порядочного, почтенного и дозволенного сообщества, если оно допускает даже мысль о возможности войны, смертной казни и судебного возмездия.

4) Не может быть ни офицером, ни солдатом, ни священником.

5) Не может быть ни чиновником, ни представителем обвинительной власти, ни избирателем, ни присяжным.

6) Не может быть членом какого-либо политического или иного общества, уставы коих обязывают своих служащих, дозволяют им или понуждают входить в деловые сношения с правительствами, допускающими насилие.

Словом, христианин-непротивник не может ни лично, ни через посредство других совершать какое-либо деяние, наносящее или угрожающее нанесением безусловной личной обиды, он не может ни помогать, ни содействовать тому подачею адреса, прошения, подачею голоса.

Таковы необходимые обязанности, ограничения и применения учения о христианском непротивлении.

Суть учения и круг деятельности его тщательно поставлены на прочном основании, и все его особенности точно разграничены. Да не будет сказано,

что это учение направлено против всякой религии, всякого правительства, всех общественных учреждений, против всех законов, правил и регламентаций. Напротив того, учение это стоит за все это в высшем и лучшем их выражении. Оно восстает против тех религий, правительств, общественных порядков, учреждений, законов, которые безусловно противны закону Христа.

9.

Основное правило непротивления.

Закончу эту главу кратким обзором разбираемого учения по отношению к первоначальному правилу, от которого оно происходит, а также и по отношению к правилу, составляющему его непосредственную основу, и к обязанности, в которой включены все его применения.

Правило непротивления исходит из всесовершенной любви, той беспредельной, независимой, безошибочно-мудрой, святой любви, которая отличает Сына человеческого от существ низших и, выливаясь в естественное чувство человеческой благожелательности, производит высшее и совершеннейшее добро. Про нее-то сказано: „Любовь не делает зла ближнему, так как она есть исполнение закона". — Иоанн выразил ту же мысль, сказав: „Пребывающий в любви в Боге пребывает и Бог в нем".

Любовь эта не есть ни естественная привязанность к родным и близким, ни сентиментальное чувство. Эта любовь — чистое, просветленное, сознательное убеждение, божественный источник того образа действий, который вдохновенно и внезапно внушает человеку делать добро всем людям без исключения — как добрым, так и злым; эта любовь действует независимо от внешних влияний и, так как она по природе своей не себялюбива, то не смущается ни достоинствами, ни недостатками предмета любви своей. Она не спрашивает: любишь ли меня? делаешь ли добро мне? ценишь ли мои достоинства? будешь ли меня благословлять, или, быть может, станешь ненавидеть меня, будешь оскорблять, проклиная и осуждать?

Любят ли, ненавидят ли, благословляют ли, проклинаят ли, творят ли добро или неправду и зло другие люди, любовь говорить свое: „Буду творить правду, буду любить. Буду благословлять, не обижу даже самых отъявленных злодеев, — буду побеждать зло добром". И потому доброта-любовь не взвешивается и не измеряется добротой других, но всегда находит сама в себе повод, силу и награду.

Иисус, в котором высшее выражение этой святой любви, найдя древний закон: возлюби ближнего своего, как самого себя, — извлек его, покрытого ржавчиною времени и помраченного людским непониманием, из ковчега завета Моисея и сделал его светочем божественного учения своего.

Истина заключалась в этой заповеди, но люди не умели выделить ее из массы Моисеевых постановлений, а тем менее умели они понять ее совершенство.

Иисус указал, что ближний, о котором говорит заповедь, есть всякий человек: и иноплеменник, и неприятель, и жестокий враг; словом, всякий, кто нуждается в помощи или находится в опасности, всякий страждущий вследствие людского себялюбия, жестокости, гнева или зависти, все равно будь он хотя бы и величайшим преступником, хотя бы отъявленный изверг рода человеческого.

Затем, зная, что мудрые постановления мира узаконяют обиду, наносимую обидчику, оправдывают ненависть к врагам, предписывают даже убийство убийц, Иисус отменил древние заповеди, отверг закон возмездия и провозгласил обязательность безграничного терпения, милосердия и кротости.

Ветхозаветная религия, светски - мудрая философия и мстительное себялюбие провозгласили, как догмат, что, перейдя за известные границы, терпение перестает быть добродетелью. Божественным дыханием своим Иисус рассеял этот безобразный обман и показал славный пример постоянного и неуклонного следования влечениям закона любви, не делая различия между друзьями и врагами.

„Я говорю: не отнимай жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб. Не бей ударившего тебя, просящему дай, от хотящего занять не отвращайся. Люби врагов, благословляй проклинаящих тебя, благотвори ненавидящим и молись за обижающих и гонящих тебя. Будь сыном Отца твоего небесного, того Отца, который посылает дождь на нивы праведных и неправедных и солнцем освещает всех. Если же ты будешь любить только любящих тебя, то чем же ты будешь отличаться от язычника?"

Таков истинный свет, исходящий из предвечной благодати бесконечного Отца и воссиявший над возрожденным миром, отражаясь в образа Иисуса. Что такое все слащавые нежные дифирамбы поэтов, все хитросплетенные мудрствования философов, все торжественные таинства мстительных церковников в сравнении с божественным совершенством и простотою той истины, которую положил Христос в основу своего учения!

Непротивление — прямое следствие этой всесовершенной, самодовлеющей, неизреченной любви, — любви божественной. А неминуемым последствием применения закона любви будет могущество добра, как противодействующей силы для искоренения зла.

Мудрость учения мира искала опоры в могуществе обиды, страха и зла, она верила в это могущество, надеялась на него во все предшествующие века, и воспитала человеческий род в этих верованиях, внушая подрастающим поколениям, будто и благополучие их, и безопасность находятся в зависимости от тех вождей, которые имеют и силу и власть наносить обиды. И все стремление лиц, захвативших власть в свои руки, было в обладании достаточными средствами насилия, для того, чтобы

отразить врагов извне и своих соплеменников держать в страхе и подчинении.

Мудрость мира твердит: „Каждый сверчок знай свой шесток. На чужой коровой рта не разевай. Честь дороже жизни. В чужой монастырь со своим уставом не ходи. Власть от Бога и воле моей перечить грех. Ласковый теленок двух маток сосет“. Если же ты не проникнешься всею истинностью этих изречений, а станешь перечить власти, то она спустит на тебя своих воинов, защитников отечества, и ты почувствуешь всю тяжесть ее мщенья. Стесняться средствами власть не станет; она в порыве самозащиты пустит в ход и арест, и одиночное заключение в тесной и омерзительной тюрьме, а затем будут применены и пытки нравственные и физические; не остановится она и перед плахою. А потому бойся, дрожи, не перечь власти ни в чем и, главное, не оспаривай ее права действовать по учению мира, а не по заповеди Христа.

И до того забиты с детства умственные способности детей мира сего, до того внушена им вера в *насилие*, как в главную опору безопасности общественной, что едва ли один из тысячи, при первом знакомстве с мыслью о непротивлении, допустит возможность того, чтобы в этом учении заключалось что-либо лучшее, чем проповедь презренной трусости с одной стороны, и всемирной анархии — с другой.

Да неужели человечество так уже хорошо охранено и защищено страхом личного насилия и обид? Какое имеют основание предполагать охранители узаконенных бесчинств и злодеяний, что как только эти злодеяния прекратятся, то немедленно им на смену начнут люди друг друга резать? Увы! очень мало еще число людей, понимающих всю явную и бесстыжую ложь таких утверждений. Масса привыкла поклоняться насилию, и она молится на него в виде меча, тюрьмы, виселицы. Этому богу воздают почести, учреждая во имя его псевдохристианское священство, постоянные армии, флоты, народные ополчения, крепости, арсеналы, суды исправительные и присяжные; на предложение же отложить все эти возмутительные дела в сторону и поверить на слово тому, кого они же называют Богом своим, мы слышим полное ужаса восклицание:

— Отойдите от нас, не искушайте; деятельность ваша вредна; проповедь ваша клонится к низвержению всех тех благ, которые завоевало себе человечество кровью и потом всех прежних поколений. Не мучьте нас. Велика Диана Эфесская! Велик меч, велика виселица, велика и благодетельна власть колесовать, четвертовать и убивать того, кто по произволу назван преступником.

Толпа вопит и, что ужаснее всего, это то, что она вопит искренно: „Что станет с человечеством, если война и смертная казнь вдруг будут отменены?!“

На алтарь бога *насилия* столько уже принесено жертв, что этих жертв хватило бы на заселение двадцати планет таких, как земля, а достигнута ли хотя бы одна одинешенькая цель?

Ничего нет, кроме отрицательных результатов, и все же насилие остается богом толпы. Перед его, залитым запекшеюся кровью, алтарем человечество как будто порешило преклоняться во веки под звук барабана, под грохот орудий и под стон окровавленного человечества.

10.

Заключение.

Великий непротивник — Христос, принесший себя в жертву за истину, — наш Пророк и Вождь.

Обезумевшие от порывов желчной злобы люди, хотя и глухи до сих пор на зов Его, но настанет время, и они услышат голос Христа, зовущий в Царство Бога на земле. Голос тот поучает нас тому, что добро — единственный противник зла, что только добром можно победить зло, и потому вера во всеильное превосходство добра над злом, истины над заблуждением, правды над неправдой, любви над ненавистью, — есть основа учения о непротивлении.

Не противься обиде — обидой.

Да будут слова эти отличительным правилом жизни на все грядущие времена; да служат они компасом в плавании по пути к человеческому совершенствованию до тех пор, пока все люди, все правительства и все общественные установления достигнут полной нравственной гармонии с великою и простою заповедью Бога:

Возлюби ближнего своего, как самого себя.

И тогда — любовь, это высшее имя Бога, будет со всеми нами и во всем!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Доказательства из Св. Писания.

Предшествующая глава была посвящена постановке и разъяснению учения о христианском непротивлении; в этой же главе я займусь представлением доказательств истинности учения, черпая их в Евангелии.

Мы утверждаем, что непротивлению учил Христос, и если нам удастся доказать это, то все люди, признающие Христа своим Учителем, а тем более те, которые называют Его своим Богом, должны будут признать истинность наших убеждений.

Для достижения этой цели проследим внимательно через все четыре Евангелия, чему учил Христос, какие Он подавал примеры при борьбе с злом, в чем суть и каков дух учения Христа.

1.

Первое доказательство.

В изложении Нагорной проповеди у евангелиста Матфея (гл. 5, ст. 38 — 41) находится первое доказательство. Чему поучают эти слова? На кого это, сказавшего: око за око, ссылается Иисус?

Прочтите следующие выдержки из Книги Исход стихи 21 — 25; речь идет о побоях беременной женщины: „А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб“, — тогда вы поймете, о ком шла речь во время Нагорной проповеди.

Законы Моисея неумолимо жестоки. В Книге Левит в главе XXIV, стихах 19-м и 20-м, находим повторение правила: око за око, перелом за перелом; во Второзаконии находим правило о применении суда возмездия:

„Судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот, свидетель ложный, ложно донес на брата своего, то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему. Итак, истреби зло из среды себя. И прочие услышат и убоятся и не станут впредь делать такое зло среди тебя. Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, око за око, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу. Какой кто сделает вред ближнему своему, тем должно отплатить ему“.

Здесь мы имеем перед собой перечень всех видов личных обид, которые надлежало наносить преступникам, здесь полный их список, начиная смертной казнью и кончая ушибом и царапиной. Тут же выражена и цель этих кар: — Итак, истреби зло из среды себя. — Ясно ли теперь, на что ссылался Иисус, а если Он указывал на законы Моисея, говоря: „вам сказано то-то, а Я говорю вам, не так делайте, а по Моему“, — то возможно ли еще поддерживать мнение, что Иисус не отменил закона: око за око.

„Вместо того, чтобы наносить удар за удар, вместо того, чтобы привлекать обидчика к суду, — говорит Христос, — ты лучше сделаешь, если снесешь и вторичные побои или отдашь вместо одной рубашки, которую хотят снять с тебя, еще и кафтан твой“.

Что может быть проще и яснее выражено, чем это правило: насколько Моисей и его толкователи возлагали упования на закон возмездия, как на средство предотвращения обид и насаждения добра, настолько Иисус порицает именно этот способ борьбы со злом. Он завещает своим последователям никогда не противиться злу возмездием зла.

Одной ссылки на Нагорную проповедь достаточно для бесспорного установления верности учения о непротивлении, но ученые богословы оспаривают даже эту очевидность.

2.

Уклончивые толкования этого текста.

Говорят, что слова Христа в вышеуказанном изречении иносказательны, что вследствие их напряженной и сжатой формы выражения, их весьма опасно принимать слишком буквально, и что они должны, быть, как следует, определенно и обстоятельно разъяснены.

Я глубоко убежден, что все это мною выполнено в 1-м параграфе настоящей главы и что толкование, изложенное в том параграфе, есть единственно добросовестное и правильное разъяснение изречений Великого Учителя.

Тот, кто стал бы утверждать, что Иисус порицает безусловно всякого рода и степень противления злу, может поддерживать свое утверждение только при ссылке на буквальный смысл изречения, и строгим логическим выводом из его утверждений было бы то, что Иисус противоречит самому себе, противоречит собственному образу действий.

С другой стороны, и тот, кто стал бы уверять, что Иисус не имел намерения отменять и запрещать личные и судебные возмездия, дозволенные законом Моисея, очутился бы тоже в безвыходном положении перед неразрешимой задачей.

3.

Первое уклончивое толкование.

Говорят, например: „Сомневаемся, чтобы слова Иисуса относились бы к выдержкам из книг — Исход, Левит и Второзакония. Вероятно, они относятся к каким-нибудь позднейшим раввинским лжетолкованиям, а также и к народным обычаям, в силу которых совершались частые и жестокие возмездия”.

Так говорят совершенно голословно и в подтверждение сказанного решительно ничего привести не могут. Это только предположение. Если бы это предположение имело хотя бы тень справедливости, — неужели бы Иисус нигде не намекнул ни единым словом на то, что Он запрещает злоупотребление, превышение закона Моисея.

А главное, о каких таких лжетолкованиях может быть речь, какие народные обычаи могли бы превысить зверство самых узаконений? Более бесчеловечно выразить закон возмездия нельзя.

„Жизнь за жизнь, глаз за глаз” и т. д.

Можно ли итти далее, можно ли превысить такие предписания?

4.

Второе уклончивое толкование.

Другие настаивают на том, что Христос говорил только о важности точного исполнения судебных кар и о том духе справедливости, с которым законные возмездия злом за зло должны быть применяемы.

— Христос не запрещает самого деяния, — говорят они, — Он запрещает только мстительность и злобный дух при отправлении судебной защиты. Необходимо, в виде справедливого возмездия, и жизнь отнимать за жизнь, необходимо делаящим зло отвечать тем же, необходимо оставить в силе право самозащиты даже до отнятия жизни у нападающего, но все это должно совершаться без лишних жестокостей, без мстительности, цель всех этих дел должна быть воспитательно сочувственная по отношению к преступнику и строго благоговейная к святости закона.

Из этого мягкого, сглаживающего объяснения возможен только один вывод, именно тот, что Иисус ровно ничего нового не сказал, ничего такого, чтобы не было сказано уже Моисеем и его толкователями. И Моисей не узаконивал личной ненависти, не предписывал злобу, мстительность и особенную жестокость при исполнении наказаний, налагаемых по суду. И там мы встречаем изречения, в роде следующих:

„Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего.

„Не восставай на жизнь ближнего твоего.

„Не враждуй на брата твоего в сердце твоём.

„Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй.

„По правде суди ближнего твоего (Лев. 19).

„Если будет тяжба между людьми, то пусть приведут их в суд и рассудят их, правого пусть оправдают, а виновного осудят. И если виновный достоин будет побоев, то судья пусть прикажет положить его и бить при себе, смотря по вине его, по счету. Сорок ударов можно дать ему, а не более, чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен пред глазами твоими (Втор. 25, 1 — 3).

Из только что приведенных выдержек и из многих других постановлений Моисея видно, что, несмотря на строгость его законов, он не позволял ни личной ненависти, ни мщения, ни жестокости при наказании преступника. Уверять, что Христос запрещал только дух личной мстительности, злобы и жестокости при исполнении судебных приговоров, значит умалять значение проповеди Иисуса, значит низводить его учение до слабого отголоска Моисеевых положений, тогда как в самом-то деле Христос восстает именно против самого деяния, против самого акта личного насилия, личной обиды, хотя бы и преступника, и, разрушая самую суть деяния, изгоняет и дух насилия из христианства.

Показное притворство любви к преступнику при нанесении ему побоев, пыток и даже смерти, которыми прикрывается судебное возмездие, может только усилить в каждой чутко-христианской душе чувство омерзения к учреждению, которое прибегает к такой очевидной и нахальной неправде. Как бы ласково, как бы вежливо, с какими бы прибаутками ни приводили приговор в исполнение, но розги останутся розгами, под шпицрутенами тело будет разрываться на части, пытка будет пыткой и смерть останется смертью.

5.

Третье уклончивое толкование.

Затем говорят еще, что Иисус внушал обязательность обращения к суду и правительственным учреждениям для разрешения своих недоразумений, что запрещение касается исключительно самосуда и частного отмщения. Эта увертка так же хромает, как и предшествующая. Сопоставление текстов не дает ни малейшего указания на то; напротив, мы читаем:

„Если кто по суду будет оттягивать у тебя рубаху, отдай ему и кафтан. Если кто станет принуждать тебя идти с ним одно поприще, пройди с ним два. Мирись, не доходя до суда, потому что по суду ты можешь лишиться не только рубахи, но даже высшего своего блага — свободы. Не ходи в суд, потому что, верно говорю тебе, не выйдешь ты из него, пока не лишишься последней полушки. Не противься!"

Эти наставления никак уже не походят на поучение об обращении к суду для восстановления своих прав, и нет во всем Евангелии ни единого слова, которое можно бы было привести в защиту разбираемого толкования.

Христос никогда не обращался к людским судам. Приходившему к Нему с просьбой разобрать их наследственные недоразумения Он ответил, что Он пришел не судить, а миловать, — и поддерживать такие нелепые представления о взглядах Христа значит унижать Его светлую личность.

6.

Четвертое уклончивое объяснение.

Предполагают так же, что Христос не одобрял мелкую мстительность и сутяжничество, но не запрещал деятельности карательной и судебной в важных, крайних случаях, когда затронутыми бывают важные, серьезные интересы.

Объяснение это очень удобно, но и очень лживо.

Кто проведет ту грань, которая отделит великое от мелкого, важное от ничтожного, когда коснется вопрос людских интересов и дел? Потерпевший один может решить с исключительной своей точки зрения, стоит ли нанесенный ему вред противления: тяжбы, возмездия; он один может судить об этом, а по его взгляду окажется, что мелких обид и оскорблений и не существует на земле, что все обиды велики, все они невыносимы.

Ссылка же, делаемая на Христа, совершенно не основательна. Нигде нет даже намека на то, чтобы Иисус делал какую бы то ни было сортировку, разделение зла на великое, среднее и малое. Он вообще, огулом, осудил всякое насилие и всякое противление.

И это толкование, как и все прочие, не что иное, как тщетная попытка мирского мудрствования выхлопотать себе поблажку и снисхождение в творимых ими якобы христианских деяниях, на корень и ветви которых наложен запрет учением Спасителя.

7.

Пятое уклончивое толкование.

Уверяют также, что Иисус никогда не намеревался делать из правила: „Не противься"... — общее правило. Он будто бы предписывал его лишь первым своим последователям в виде указания, как им поступать, когда их будут гнать, притеснять и преследовать те языческие правители, которым они были подвластны.

В этом толковании уже не умаляется личность Христа, а Ему уже приписываются совсем неблагоприятные побуждения. Какая робкая, прячущаяся осторожность!

Не противьтесь злу, когда у вас нет сил противиться ему. Покоряйтесь неодолимому гнету и насилию. Подставляйте щеки, поджимайте хвосты, как собаченки, если не можете защищаться, — но нападайте, как львы, когда вполне убеждены, что можете справиться с врагом.

Для ума, способного усвоить себе представление о том, что таков смысл изречения Христа, все тексты эти сводятся к следующему общежитейскому правилу: покоряйся, когда больше делать нечего, и покоряй всякого врага и супостата, когда того можешь.

И это сказал Христос!

Если бы не то обстоятельство, что толкование это совершенно несообразно с духом истинного христианства, ни на чем решительно не основано и лишено всякой подкладки в контекстах, то оно заслуживало бы, пожалуй, возражений. Но в том виде, в каком оно представляется нам, достаточно и одного упоминания о нем для его опровержения.

8.

Шестое уклончивое толкование.

Самое распространенное уклончивое толкование состоит в том, что противники закона непротивления говорят, что им неизвестно, что именно имел в виду Христос, говоря: не противься злему; но что они убеждены в том, что изречением тем не запрещаются ни смертная казнь, ни телесные наказания, ни оборонительные войны, ни самозащита, потому что Иисус перед изложением этих правил сказал: „Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророки; не нарушить Я пришел, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царствии Небесном, а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царствии Небесном".

И какой же вывод делают из этих слов? А вот какой: так как Моисей повелел отнимать жизнь за жизнь, око за око и т. д., то и Иисус, не отменяя

ни одной іоты из закона, не мог иметь намерения отменять эти судебные возмездия; что бы Он ни подразумевал в своем поучении, но ни одна черточка из заповедей Моисея и его последователей не должна быть нарушена или не исполнена.

В ответ на это толкование можно заметить, что это скорее софистический выверт, чем чистосердечное, искреннее возражение, и что такой выверт был бы гораздо уместнее в устах неверующего, чем в устах человека, исповедующего христианскую религию.

Истолкование уличает Иисуса в противоречии с самим собой. Он говорит: „Вы слышали, что было сказано (Моисеем и его толкователями): око за око, зуб за зуб, а Я говорю вам: не противься злому, а подставляй щеку, отдай кафтан, а не судись". И Он же говорит совершенно противное, поучая: „Итак, кто нарушит одну из заповедей сих (даже ту, в которой предписывается отнятие жизни) и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном".

Пусть так, допустим в угоду лжетолкователей, что Христос противоречит сам себе, — следовательно, все противоречивое лишается веса и значения; спрашивается, почему же противоречие это не могло бы ровно настолько же служить доказательством в пользу непротивления, как и в пользу противоположного мнения. Разве Иисус не одинаково авторитетен относительно самого себя в отношении отмены закона, как и в отношении утверждения его? Понятно, что одинаково авторитетен. Следовательно, противоречие это будет лишать силы и значения все свидетельство Христа, и рассуждения противников наших дают лишь пищу полному неверию.

Принимая на слово толкование наших противников о іоте и черте, весь христианский мир возвращается, связанный по рукам и по ногам, прямо в иудейство со всеми его іотами и чертами. Воскрешается вся еврейская обрядность, так же как и нравственный и судебный свод узаконений, разрешений и запрещений Моисея: и обрезание, и жертвоприношения, и все заповеди об омовениях, бритье, лечении прыщей, — все, и великое и безобразное, равно становится обязательным.

Многие узаконения Моисея были отменены, но из этого не следует, чтобы они были безусловно нарушены или остались неисполненными. Многие из слабых намеков стали сутью, многие возродились и усовершенствовались, из первообразов и иносказаний стали действительностью. Иные утерялись в буквальном своем смысле, но зато тем более сохранили свой дух. Все они сделали свое дело или еще продолжают делать его, составляя самую суть христианства.

Не так ли и желал быть понятым Христос, когда сказал, что пришел не нарушить закон и пророков, но исполнить. Хотел ли Он исполнить „букву" и формы, намеки и первообразы заповедей или самую сущность их в полной действительности их духовного совершенства?

Ясно, что последнее.

Отменив клятву, отменил ли Он правду? Снял ли с людей обязательство говорить одну истину? Ослабил ли Он засвидетельствование истины?

Нет! Он усилил, он превознес истину. Запрещая своим последователям поносить кого-либо в видах противления злу, разрешил ли Он им не исполнять хотя бы на одну иоту закона любви, обязательства любить ближних, как самих себя и поступать с другими людьми так, как бы хотелось, чтобы поступали с ним другие? Ослабил ли Он этот великий закон? Если бы Его мнимые последователи исполняли в точности божественное Его учение относительно обращения с обидчиками, хуже ли от того жилось бы на земле?

Навряд ли найдется смельчак, который ответит утвердительно на этот вопрос; мы же знаем, что наше учение о христианском непротивлении есть вся праведность закона и пророков в ее полном совершенстве и истинной славе.

9.

Зачем отвечать на уклончивые толкования.

Я тщательно отметил все различные толкования слов Христа, так как все они только тщетные попытки, направленные к тому, чтобы, миновав прямой смысл стихов Матфея главы 5-ой, лишить их законной силы и не допустить, чтобы изречения эти стали бы основными текстами рассматриваемого учения. Я отметил лжетолкования эти не потому, чтобы я считал их стоящими того самих по себе, но потому, что все они и приводились и выставлялись, как убедительные доводы почтенными верующими людьми даже духовного сана в их борьбе против истины.

Необходимо опровергать ложь, даже нелепую, чтобы защитить от извращения известного рода убеждения людей хотя и добросовестных, но способных быть сбитыми с толку своеобразными разъяснениями тех пастырей, от которых привыкли заимствовать свои религиозные воззрения.

Считаю доказанным, что глава 5-я от Матфея, стихи 38-ой по 41-ый, составляет неопровержимое доказательство истинности учения о христианском непротивлении.

10.

Второе доказательство.

„Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас" (Мат. гл. 5-ая, ст. 43 и 44).

Кем именно было сказано: „люби ближнего и ненавидь врага", достоверно мне не известно. Нужно полагать, что это изречение с давних времен было народной поговоркой среди иудеев, но по духу своему

поговорка эта имеет одинаковое происхождение, как и завет: „око за око“; она бесспорно дышит тем же непримиримым духом, как и следующие выдержки из Ветхозаветных книг:

„Если услышишь о каком-либо из городов твоих, которые Господь Бог твой дает тебе для жительства, что появились в нем нечестивые люди из среды тебя и соблазнили жителей города того, говоря: пойдем и будем служить богам иным, которых вы не знаете, и ты разыскал и исследовал, и хорошо расспросил, и если это точная правда, что сделана такая мерзость среди тебя, то умертви жителей того города острием меча, истреби его и все что в нем, и скот его умертви острием меча. Всю же добычу его собери на средину площади его и сожги огнем город и всю добычу его во всесожжение Господу Богу твоему, и да будет он вечно в развалинах, не должно никогда вновь созидать его" (Второз. гл. 13-ая, ст. 12 — 17). А в городах этих народов, которые Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но истреби их: хетеев и аморреев, хананеев и фerezеев, евсеев и иевусеев, как повелел тебе Господь Бог твой" (Второз. гл. 20-ая, ст. 16 — 17). Не вступай с ними в союз и не щади их" (Второз. гл. 7-ая, ст. 2).

В таком же душевном настроении возносит и Давид моления свои к Богу: „Господи, будь соперником против соперников моих, срази сражающихся со мной, возьми щит и латы и восстань на помощь мне, обнажи копье и секиру против преследующих меня, скажи душе моей: твое спасение — Я. Да постыдятся и осрамятся ищущие души моей, да будут отражены назад и да будут посрамлены умышляющие мне зло, да будут они, как мякина перед ветром, и ангел Господень да прогонит их, да будет путь их скользок и мрачен, и ангел Господень да преследует их" (Псалом 35, ст. 1 — 8).

С одинаковым несочувствием к идолопоклонничеству и ко всем преступлениям тех, кого Ветхий Завет признает беззаконниками и называет врагами, но в поразительную противоположность дозволенной ненависти и предписываемому мщению, Иисус говорит слова, непримиримые с гонением и преследованием, слова, отрицающие всякие войны, жестокости и обиды.

Как же должны поступать христианские семьи, общины, государства? Могут ли они действовать против обидчиков и врагов своих иначе как непротивлением?

О! если бы все люди благословляли, благодетворили и молились бы за злейших врагов своих, за притеснителей и гонителей своих, какая победа была бы одержана над злом! Вот это-то и есть та великая любовь и то божественное применение любви, которую и проповедует Иисус.

Может ли истинный христианин воздвигнуть виселицу или зажечь костер? Может ли он пытаться или участвовать, хотя бы косвенно, в телесном наказании, военном деле, или даже позволять жестокости отдельному лицу, сословию или обществу? Разве любит врагов своих, разве благословляет проклинаящих его, благодетворит ненавидящих и молится за обижающих его

тот, который вешает, расстреливает, пытается, побивает камнями? Разве любит, не то что врагов, а людей вообще, тот, который под присягою дает обет гнать, бить и убивать всякого, на кого ему укажет другой человек?

В дополнение и разъяснение учения своего, Христос говорит: „если бы Отец ваш не любил бы врагов своих, не благословлял бы проклинающих Его, не благодетельствовал бы ненавидящих Его, то солнце не светило бы, как светит теперь — и злым и добрым; дождь не орошал бы поля праведных и неправедных; спасение не спадало бы с неба для погибших. Проникнитесь же духом Отца, подражайте Его благодати. Будьте детьми Его. Любите всепрощающей любовью.

Что может быть яснее этой речи, что может быть чище, выше, духовно - совершеннее и нравственно - прекраснее? Всесовершенная же любовь, выраженная делами жизни, и будет истинным христианским непровинением.

11.

Третье доказательство — всепрощение.

Молитесь же так: „Отче наш... И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.

„Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш небесный. А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших" (Мат. гл. 6, ст. 12, 14, 15).

„Тогда Петр приступил к Иисусу и сказал: Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешившему против меня; до семи ли раз? Иисус говорит ему: Не говорю тебе: до семи, — но до седмижды семидесяти раз" (Мат. гл. 18-ая, ст. 21 и 22).

„И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы Отец ваш небесный простил вам согрешения ваши. Если не прощаете, то и Отец ваш небесный не простит вам согрешений ваших" (Мар. гл. 11-ая, ст. 25 и 26).

„Не судите, и не будете судимы, не осуждайте и не будете осуждены, прощайте и прощены будете" (Лук. гл. 6-ая, ст. 37).

Ясно, как день, что во всех этих выдержках Иисус говорит не о завистливом злопамятстве, не о беспричинном гневе, и даже не о злой воле, — Он везде в речи своей предполагает, что обида нанесена действительно такая, которая по закону „око за око" или по старому обычному праву может быть справедливо наказана нанесением равного зла. Он не заглаживает вину обидчика, не отрицает злого дела преступной стороны, не требует, чтобы неправда ее была признана правдой. Он обращается к потерпевшему, к справедливо жалующемуся, и говорит: „а ты прости ему, прости так, чтобы в душе твоей не оставалось к нему и тени недоброжелательства, прости ему не на срок, не условно, а искренно и навсегда, прости так, чтобы воспоминание об обиде изгладилось бы из памяти твоей, и чувство боли,

вызванное причиненным злом, заменилось бы чувством сожаления и сострадания к заблуждениям обидевшего тебя".

„Отче! прости им, не ведают бо, что творят".

Все мы грешны перед Отцом и по закону возмездия все должны бы быть наказаны рукою Его; единственная же причина нашего примирения и общения с Ним, единственная и исключительная причина продления Его благодеяний, Его милости в благодати Его. Отец Бог постоянно благословляет нас, несмотря на наши пороки, и тем самым указывает и нам на обязанность прощать ближним их грехи против нас. Бог требует, чтобы мы поступали с другими людьми так, как мы желаем, чтобы Бог поступал с нами, воздерживались бы от наказания наших обидчиков и делали бы им добро, как мы желаем, чтобы Бог делал нам добро и был долготерпелив, несмотря на наши прегрешения. Если же мы простим искренно, в то время, когда сами просим о помиловании, это докажет нашу искренность и подготовит наши души к восприятию Божьего прощения. И Бог примет нас, и будет в общении с нами, потому что мы уже не будем ставить между Им и нами непреодолимой преграды, — преграды Его всеобъемлющей любви и милосердию.

Но если мы сами, умоляя о пощаде, не будем милосердны к виновным против нас, если, моля о прощении, мы задумываем мщение, если, прося, чтобы с нами поступлено было несравненно лучше, чем мы заслуживаем того, в то же время мы будем считать согрешивших против нас достойными наказания, — то ясно, что тем самым мы заявляем о своей неискренности, мы как бы издеваемся над правдою Бога и жестокосердием своим ставим непреодолимую преграду Его любви и милосердию. Он по существу своему Всепрощающий Отец, но Он всепрощение свое не может распространить на нас — непрощающих; дух наш сопротивляется Его духу. Мы отказываемся от поклонения Ему „в духе и истине", мы остаемся само-изгнанными из Его присутствия — непрощающими и непощенными.

Только в духе человеческого всепрощения возможно слияние с Богом.

Таково учение Христа.

Какое благословенное учение для всех кротких, милосердных людей! И то же, как ужасно оно для всех жестокосердных, безжалостных, находящихся наслаждение в строгих человеческих карах! Мы и молиться не можем в карающем других людей духе, не нанося тем оскорбления Всепрощающему Отцу, не накликаая на себя наказаний за собственные деяния. Какая это страшная, грозная мысль! И эту мысль Иисус, как горящий уголь, принес с алтаря Бога и вложил в совесть каждого из учеников своих. И несмотря на то, миллионы людей, считающих себя исповедующими Христову веру, дозволяют войну, допускают смертную казнь и всю цепь уголовных наказаний; они помогают или же потакают им, и все ежедневно говорят Богу: „прости нам, яко же и мы прощаем должникам нашим". Им кажется, что не к ним обращены слова пророка Исайи: „Взывай громко, не воздерживайся, возвыси голос свой, подобно трубе, и объяви Моему народу о преступлениях

его и дому Иакова о грехах его, ибо каждый день они ищут Меня и желают узнать Мои пути, как бы народ, поступающий справедливо и не оставляющий закона Бога своего".

Это приближение к Богу одними словами, когда сердце далеко от Него, к несчастию, обыденное явление, но никогда ложь этого положения не выступает ярче, чем при смиренном молении о прощении Богом нам прегрешений наших в то самое время, когда мы измышляем или приводим в исполнение кары тем, кто преступил условные права личные или общественные.

12.

Дальнейшие важные доказательства.

„Иисус отвечал: царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан иудеям. Но ныне царство Мое не от мира сего" (Иоанн гл. 18-ая, ст. 36).

Сравните этот текст с 10-ой главою от Матфея, со стихом 16-м:

„Вот Я посылаю вас, как овец среди волков: и так будьте мудры, как змеи и просты, как голуби".

Сравните также с текстами от Луки, гл. 22-ая, стих 24-ый по 26-ой:

„Был же и спор между ними, кто из них должен почитаться большим. Он же сказал им: цари царствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются. А вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий".

К тому же разряду наставлений мы можем причислить и следующий текст:

„И они пошли и вошли в селение самарянское, чтобы приготовить для Него. Но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа. Ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасти" (Лук. гл. 9-ая, стихи 52 — 56).

„Тогда подошли, и возложили руки на Иисуса, и взяли Его. И вот один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященника, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч свой в его место, ибо все, взявшие меч, мечем погибнут" (Мат. гл. 26-ая, ст. 50 — 52).

Вдумайтесь также в значение повествования о женщине, уличенной в прелюбодеянии, и в заключительные слова Христа: „И Я не осуждаю тебя (на смерть), иди и впредь не греши" (Иоан. гл. 8-ая, стихи 3 — 11).

Все приведенные места служат как бы практическим пояснением к положительным правилам учения Христа. Его царство не от мира сего и

потому исключает всякие воинственные средства защиты. Его посланники идут на дело проповеди безоружные, как овцы среди волков. Ученикам Его внушается, что не должно быть борьбы из-за высших положений, что местничество — чувство языческое, христианин же, занимая высшее положение, тем самым обязывается доказать, что он достоин его добровольной готовностью быть первым слугой своих сограждан и управлять ими только посредством влияния своей нравственно-полезной мощи. В ответ на враждебные чувства отвечать недоброжелательством нельзя, нельзя призывать на враждебно настроенных чудотворный огонь с неба. Такое пожелание свидетельствует о том, что дух христианства не усвоен призывающим на обидчика кару небесную, потому что назначение Сына человеческого не губить жизнь, а спасти ее. Непротивление злу злом должно быть неизменным правилом последователя Христа везде и всегда, даже в том случае, когда предстояло защитить Его, Праведника, изменнически преданного в руки буйной и жестокой толпы. „Не извлекай никогда ни для какой цели меча из ножен, потому что все, взявшие меч, мечем и погибнут“.

Возможно ли в виду столь поразительно ясных, друг друга поддерживающих, неопровержимых доказательств из Евангелия не проникнуться всею душой глубоким убеждением истинности учения о непротивлении. А несмотря на все, грязный поток учения мира вздымается против него и заливают его мутными своими волнами.

13.

Апостольские свидетельства.

„И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная“.

„Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте“.

„Никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь добром перед всеми человеками“.

„Не мстите за себя, возлюбленные, не дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Итак, если враг твой голоден — накорми его, если жаждет — напой его; ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горячие уголья“ (Притч, гл. 25-я, стихи 22 — 23).

„Не будь побежден злом, но побеждай зло добром“ (Послание к Римлянам гл. 12-ая, стих. 2, 14, 17, 19 и 21-й).

„Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?“

„И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вам лучше не терпеть лишения?“ (1-ое послание к Коринфянам, гл. 6-ая, стих. 1 и 7).

„Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу" (2-ое послание к Коринфянам, гл. 10-ая, стих. 3 — 5).

„Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона. Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Если мы живем духом, то по духу и поступать должны" (Послание Галатам гл. 5-ая, стих. 22 — 25).

„Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет в гневе вашем. Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобой да будут удалены от вас" (Послание к Ефесянам, гл. 4-ая, стих. 26, 31).

„Итак, облекитесь, как избранные Божие, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение" (Послание к Колоссянам, гл. 3-я, стих 12).

„Смотрите, чтобы кто кому не воздал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем" (Послание Фессалоникийцам, гл. 5-ая, стих 15).

„Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех, и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежащей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную Престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими".

„Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Бога" (Послание к Евреям, гл. 12-ая, стих. 1 — 3, 14).

„Итак, братья мои возлюбленные, всякий человек да будет скор на слышание, медлен на гнев, медлен на слова. Ибо гнев человека не творит правды Божией" (Послание Иакова, гл. 1-ая, стих. 19 — 20).

„Откуда у вас вражды и распри? Не отсюда ли, от вожделений ваших? Итак, покоритесь Богу, противостаньте дьяволу, и убежит от вас" (Посл. Иакова, гл. 4-ая, стих 1 и 7-ой.)

„Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, — это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за вас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его. Будучи злословим, Он не злословил взаимно, страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному" (1-ое послание ап. Петра, гл. 2-ая, стих. 19 — 21, 23).

„И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха их не бойтесь и не смущайтесь. Ибо, если угодно воле Божией, лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые. Потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу,

однажды пострадал за грехи наши, Праведник за неправедных" (Там же, гл. 3, стих. 13 — 18).

Прочтите там же главу 4-ую, стихи от 13-го по 19-й.

„Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал".

„Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме".

„И во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза" (1-ое послание Иоанна, гл. 2-ая, стихи 6, 9 и 11).

„Не любящий брата пребывает в смерти. Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей" (Там же, гл. 3-ья, стихи 14-ый и 15-ый).

„Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас. Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо ненавидящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?" (Там же, глава 4-ая, стихи 12-ый и 20-ый).

14.

Общий обзор очевидных доказательств.

Обратимся теперь к рассмотрению примеров, преподанных самим Христом и Его апостолами после Его смерти. Найдем ли мы в жизнеописании как Христа, так и Его апостолов, хоть бы один случай лишения жизни, угрозы о том, хотя бы один случай употребления оружия, служения в войске, в законодательных, судебных или исполнительных должностях? Прибегали ли они к защите судебной власти с жалобами на обидчиков? Вчиняли ли они какие-либо иски с целью восстановления нарушенных их прав? Выражали ли когда-нибудь свою причастность к политическим, военным или судебным властям, чтобы обеспечить себе личную защиту или чтобы подвинуть вперед дело распространения христианства?

На все эти вопросы я с уверенностью отвечаю отрицательно.

Пусть каждый разыщет все относящиеся к этим вопросам места по всему Новому Завету, и если затем будет доказано, что я прав, пусть противники учения о непротивлении принудят свои умы к покорности и согласию. Потому что, если и правило, и слово, и дело, и дух, и примеры во всех писаниях Нового Завета окажутся согласными, то вопрос о непротивлении окажется решенным неопровержимо и бесповоротно.

Мне известны все возражения противников, знаю те ссылки на тексты, которые они делают с особенной заносчивостью. Они говорят:

— А бич из веревок?

— А совет Иисуса купить мечи?

— А поданное апостолом Павлом прошение на имя Цезаря?

— Его же, Павла, рассказ о военачальнике и о сорока человеках стражи, защитивших его от заговора?

— А вся 13-ая глава послания к Римлянам?

Ни одна из этих ссылок, ни все они, взятые вместе, не служат целям противной стороны. Это я докажу в следующей главе. В защиту же учения о христианском непротивлении служит целый ряд примеров, даже целая жизнь Христа, вполне согласная с тем учением. И долго еще после смерти Христа учение это было краеугольным камнем христианства и применялось христианами первых трех веков.

Во время искушения в пустыне начало зла предлагает Иисусу все царства земные, с тем только условием, чтобы Он, падши ниц, поклонился искушителю. Не на тех ли самых условиях предлагалась и предлагается его последователям мирская политическая власть? Особенный дух воодушевляет все человеческие правительства — это дух губительный, ангел обиды, старый змий насилия. Это великая контролирующая власть у подножия трона, главный двигатель, крайнее прибежище и необходимая связь всех чисто мирских властей. Торжественное признание этого духа, поклонение ему составляет теперь, как и прежде, неперемненное условие, при котором человек может принять как скипетр и корону, так и самое ничтожное служебно-официальное назначение. Тот, кто хочет управлять, должен сперва преклониться перед гением насилия, должен присягнуть в том, что будет поддерживать насилие власти мечом и судебным возмездием.

Эти же условия предлагались и Иисусу, а Он избрал страдания и позор креста. Он — Царь сердец и совести людской; царство Его не от мира сего, тогда как порфира от того и красна, что от Авеля и до наших дней она периодически окрашивается в крови праведников.

По тем же соображениям, когда народная толпа хотела провозгласить Христа царем, Он скрылся из виду толпы. Не захотел Он также быть судьей в тяжёбом деле двух братьев. И хотя Он, Праведник, один из всей собравшейся толпы, имел основание осудить женщину, уличенную в прелюбодеянии, но Он не произнес приговора, не поднял камня.

Когда буйная жестокая толпа архиерейских слуг под предводительством предателя напала на Него в молитвенном уединении Гефсимании, Он не поднял оружия для самообороны, а остановил пылкого ученика своего, вынувшего меч из ножен; Он же терпеливо отдал себя на муки и позор: „как агнец на заклание“, и был „безгласен, как овца перед стригущими ее“.

Враги сорвали с Него одежду, нарядили в шутовской царский наряд, увенчали Его тернием, били, секли, плевали Ему в лицо, приговорили безвинно к смерти, пригвоздили ко кресту между двумя разбойниками, даже в смертный час издевались над Ним и отравляли последние минуты Его жизни ядом своей ненависти. И ни одного слова угрозы или упрека, ни малейшего укора не вырвалось из уст Его. С кротким и скорбным

достоинством перенес Он все и сокрушил навеки дух зла и насилия победоносной молитвой своей: „Отче! прости им, не ведают бо, что творят“.

15.

Первые христиане.

Обратимся теперь к евангелистам и апостолам Распятого и посмотрим, как жили они и как умирали.

„Нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что сделались позорищем для мира, для ангелов и человеков. Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас — мы благословляем, гонят нас — мы терпим, хулят нас — мы молимся. Мы — как сор для мира, как прах, всеми попираемый" (1-ое послание к Коринфян., гл. 4-ая, стихи 9, 11 — 13).

Стефан был побит камнями, творя молитву: „Господи, не вмени им в вину этот грех“.

Иаков был убит мечом, Петр был распят, Павел обезглавлен, и бесчисленное число мучеников запечатлели исповедание свое кровью своею. В те дни все последователи Христа переносили и муки и казни ради креста неизменно кроткими, терпеливыми и непротивящимися, — они служили дивным примером глубины и силы своих христианских убеждений. Никто из них не стремился ни к власти, ни к должностям, никто не участвовал в войсках, никто не подлаживался к мирским властям в надежде воспользоваться всесильным их влиянием, никто из них не участвовал ни в бунтах, ни в смутах, ни в заговорах или возмущениях, никогда не полагая надежд на помощь физической вооруженной силы. Таковы были первые христиане среди того варварского, дико-воинственного общества, среди которого им приходилось жить, и никогда они не проклинали, не бранили и не оскорбляли своих гонителей. Научившись от Христа закону непротивления, они следовали ему в действительном, истинном его смысле.

Иустин-мученик, в начале второго века, объявляет, что „диавол — творец всяких войн“.

Тертуллиан обличает ношение оружия, говоря: „Неужели тот, кто не мстит за свои обиды, станет помогать других заковывать в цепи, заключать в темницы, станет помогать мучить, пытаться, убивать?“

Лактанций объявляет: „Никогда не может быть законным для праведного человека итти на войну, так как его вооружение заключается в его же праведности“.

„Мы находим, — говорит Кларксон, — в творениях Афинагора и других ранних писателей, что христиане их времени, когда их били, воздерживались от нанесения удара за удар и заходили в убеждения своих так далеко, что даже отказывались итти судиться с теми, кто обижал их. Речи этих первых христиан были в следующем роде. Один говорит: „незаконно для

христианина носить оружие", другой: „так как я христианин, я отрекся от военного звания"; третий: „я — христианин, и потому не могу сражаться"; четвертый (Максимилиан): „я не могу сражаться — лучше умереть, я — воин не от мира сего, я — воин Божий". И за его верность Христу он был казнен.

16.

Свидетельство Цельзия и Гиббона.

Цельзий, языческий философ половины второго столетия, написал трактат, направленный против христиан. Одно из главных обвинений, возводимых им на христиан, заключается в следующем:

„Вы не хотите носить оружия, — говорит он, — для служения империи, когда ваша служба нужна; если бы вся нация поступала бы согласно вашим правилам, империя была бы порабощена варварами".

Гиббон, популярный английский историк „Падения Римской империи", скептик относительно христианства, случайно подтверждает тот факт, что первые христиане были безусловные непротивники.

„Личную самозащиту и защиту собственности, — говорит он, — христиане никак не умели примирить со своей доктриной всетерпения, предписывающей безграничное прощение прошлых обид и повелевающей избегать обид новых. Их простота оскорблялась употреблением присяги, торжественностью судебных учреждений и деятельной борьбой общественной жизни, и никак не могло их человеческое невежество убедиться в том, что бывают случаи, в которых законно проливать кровь ближних, мечом ли правосудия, мечом ли войны, даже в тех крайних случаях, когда преступные и враждебные покушения угрожали бы всей их общине".

„Они чувствовали и сознавали, что такие установления (смертная казнь и пр.), может быть, и необходимы теперь, при существующих порядках, и радостно покорялись власти всех своих языческих правителей, но, внушая правила пассивного послушания, они в то же время отказывались от принятия какого-либо участия в гражданской администрации и военной защите империи" (Часть 1-ая, стр. 24).

„Смиренные христиане были посланы в мир, как овцы среди волков, и так как им не дозволялось употреблять насилие даже и в защиту своей религии, то они вообразили, что будут тем более преступны, если будут проливать кровь ближних, отстаивая суетные привилегии или жалкие имущества этой преходящей жизни. Верные учению апостола, который и в царствование Нерона проповедывал обязательность безусловного повиновения, христиане первых трех веков сохранили чистой совесть свою от заговоров или восстаний. Переносимые ими строгие преследования никогда не побуждали их ни к тому, чтобы встретиться с притеснителями на поле битвы, ни к тому, чтобы позорно скрыться от них в какой-нибудь отдаленный и потаенный уголок земного шара" (Часть 2-ая, стр. 200).

В виду всех приведенных доказательств возможно ли еще сомнение в том, что Иисус Христос, Его апостолы и первые христиане исповедывали и проповедывали то самое учение христианского непротивления, которое я и отстаиваю в настоящем труде.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ответы на возражения, ссылающиеся на Св. Писание.

Настоящая глава посвящается разбору возражений, которые противники закона о непротивлении находят в Св. Писании.

Наше толкование учения Христа зиждется на убедительнейших доказательствах, почерпнутых в Евангелии. Убедительностью своего доказательства те колеблют многие умы, ничем еще не подготовленные ни к великой перемене образа жизни по правилам учения Христа, ни даже к искреннему согласию с самим учением. Вот эти-то колеблющиеся и укрываются под защиту возражений, которые находят якобы противники учения о непротивлении в том же Св. Писании. Они с бахвальством требуют, чтобы на их возражения были бы представлены удовлетворительные ответы. Следует, хотя бы ради приличия, исполнить это желание.

1.

Возражение первое. Отрицание Ветхого Завета.

— Вы ссылаетесь, — говорят враги непротивления, — исключительно на писания Нового Завета в доказательство истинности учения о непротивлении. Писания же Ветхого Завета безусловно против вас. Писания эти представляют многочисленные поучения и примеры в оправдание войны, в оправдание смертной казни и разнообразных судебных возмездий. Разве не вся Библия — слово Божие? Как же вы берете на себя смелость отвергать и топтать под ноги весь Ветхий Завет? Если бы ваше учение было от Бога, истинность его доказывалась бы одинаково обоими Заветами.

— Это правда, — отвечаю я; — я исключительно делал ссылки на писания Нового Завета, с целью доказать истинность учения о христианском непротивлении. Сознаю, что весь Ветхий Завет, за малыми исключениями, безусловно противен учению непротивления, но только тогда и до тех пор, пока мы будем ссылаться на Ветхий Завет отдельно и независимо от откровений Нового Завета. Я допускаю также, что вся Библия, при правильном взгляде на нее и при правильном истолковании, есть в общем смысле Слово Божие. Но я не признаю, чтобы Ветхий Завет был бы такое же ясное, полное и совершенное Слово Божие, как Завет Новый; не признаю также и того, чтобы Ветхий Завет, по вопросам правил и обязанностей, имел

одинаковый авторитет с Новым Заветом; ни того, наконец, чтобы он был правилом веры и образа действия для христиан.

Его следует почитать, как пророчество и приготовление к Новому Завету, как первообраз, как предзнаменование лучшего в будущем.

Если мне удастся доказать, что истинный характер и истинное значение Ветхого Завета именно таково, я тем самым опровергну рассматриваемое возражение. Мало того, я тем докажу, что питаю глубокое уважение к обоим Заветам, и что те люди, которые провозглашают, будто Ветхий Завет так же авторитетен, как и Новый, лишают достоверности оба Завета и умаляют значение как того, так и другого.

Установим эту исходную точку, и пусть Писания говорят сами за себя. То, что они скажут друг о друге, должно решить вопрос.

2.

Голос Нового Завета.

„Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, которого поставил наследником всего, через которого и веки сотворил" (Пос. Евр. гл. 1-я, ст. 1 и 2).

„Итак, братия святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, который верен Поставившему Его, как и Моисей во всем доме Его. Ибо Он достоин тем большей славы пред Моисеем, чем бóльшую честь имеет в сравнении с домом тот, кто устроил его. Ибо всякий дом устроится кем-либо, а устроивший все есть Бог. И Моисей верен во всем доме Его, как слугитель, для засвидетельствования того, что надлежало возвестить, а Христос, как Сын в доме Его. Дом же Его — мы" (Пос. Евр., гл. 3-я, ст. 1 — 6).

„Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства (ибо с ним сопряжен закон народа), то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться? Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона. Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности. Ибо закон ничего не довел до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу. Того лучшего закона поручителем сделался Иисус" (Пос. Евр. гл. 7-я стих. 11, 12, 18, 19 и 22).

„Но Сей Первосвященник получил служение тем превосходнейшее, чем лучшего Он ходатай завета, который утвержден на лучших обетованиях. Ибо, если бы первый завет был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому; но пророк, укоряя их, говорит: вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской. Вот завет, который завещаю дому

Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их и напишу их на сердцах их, и буду их Богом, а они будут Моим народом. Говоря „новый“, показал ветхость первого, а ветшающее и стареющее близко к уничтожению" (Посл. Евр. гл. 8, стих. 6 — 13).

„Для чего же закон? Он дан после по причине преступлений, до времени пришествия семени, к которому относится обетование".

„А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надо было открыться вере. Итак закон был для нас детоводителем (педагогом) ко Христу, дабы нам оправдаться верою. По пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя" (Посл. Гал. гл. 3-я, стих. 19, 23 — 25).

„То вы, читая, можете усмотреть мое разумение тайны Христовой, которая не была возведена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым апостолам Его и пророкам Духом Святым" (Посл. Еф. гл. 3, стих. 4 и 5).

„Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога: Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит. Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно, что сыны Израилевы не могли смотреть на лицо Моисеево по причине славы лица его преходящей, — то не гораздо ли более должно быть славно служение духа? То прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы последующего. Ибо, если преходящее славно, тем более славно пребывающее. Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением (открыто), а не так, как Моисей, который полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего. Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остается не снятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом. Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердцах их" (2-е посл. Коринф, гл. 3, стих. 5 по 8 и 10 по 15).

„Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, т. е., что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (иудейскому) и язычникам" (Деян. гл. 26, стих. 22 и 23).

„Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали. Ибо угодно Св. Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо делаете" (Деян. гл. 15, стих. 24, 28 по 29).

„И во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий" (Деян. гл. 13, стих. 39).

„Моисей сказал отцам: Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня; слушайтесь Его во всем, что Он ни будет говорить вам. И все пророки от Самуила и после него, сколько их ни говорили, также предвозвестили дни сии" (Деян. гл. 3, стих. 22, 24).

„Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцом: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо, если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне. Если же его писаниям не верите, — как поверите Моим словам?" (Ев. Иоан. гл. 5-я, ст. 45 — 47).

„Мы нашли Того, о котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета" (Ев. Иоан. гл. 1, стих. 45).

„И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках, и в псалмах" (Ев. Лук. гл. 24, ст. 44).

„Закон и пророки до Иоанна: с сего времени Царство Божие благовествуется, и всякий усилием входит в него" (Ев. Лук. гл. 16, стих. 16).

„Ибо говорю вам: из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя; но меньший в Царствии Божием больше его" (Ев. Лук. гл. 7, стих. 28).

„Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о свете. Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня. Ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа. Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил" (Ев. Иоан. гл. 1, стих 6 — 9, 15, 17 и 18).

„Иоанн сказал в ответ: не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба. Ему должно расти, а мне умяться. Ибо Тот, которого послал Бог, говорит слова Божии" (Ев. Иоан. гл. 3, ст. 27, 30 и 34).

Вот перечень свидетельств писаний новозаветных о Ветхом Завете.

Мы слышали заявление врагов учения о непротивлении о том, что они признают Новозаветные Писания одинаково авторитетными с Ветхозаветными, заявление о том, что они всю Библию признают Словом Божиим. Следовательно, остается только предложить им вопрос: „Верят ли они включительно и в прямой вывод из только что приведенных выдержек? Верят ли они в то, что Христос достоин большей славы, чем Моисей? Верят ли они в то, что Моисей был только служитель в доме Отца, а Христос Сын и Хозяин в собственном доме? Верят ли они и в то, что совершенства не было в левитском священстве, что Христос — Первосвященник по чину Мелхиседекову, что с переменою священства необходимо должна быть и

перемена в законе, что Моисеев закон ничего не довел до совершенства, что Иисус был ходатаем лучшего обетования, лучшего завета, что Ветхий Завет устарел и был близок к уничтожению, что закон Моисея был только детоводителем, цель которого была привести человечество ко Христу, что Новый Завет не служение букве, которое убивает, а служение духу животворящему. Верят ли они тому, что Ветхий Завет был служением смерти, слава которого была преходящая и должна была быть отменена, что христианские узаконения, откровения и обетования превзошли славу ветхозаветную и что покрывало остается не снятым с иудействующих умов и снято оно Христом? верят ли они тому, что все пророки и Моисей писали о Христе и обязательны были лишь до начала проповеди Иоанна Крестителя, до начала проповеди о Царстве Божиим? Верят ли они, наконец, тому, что Христос — истинный свет мира?

Если оппоненты наши верят этим новозаветным утверждениям, то что же остается от всех их возражений?

3.

Голос Ветхого Завета.

Противоречит ли Ветхий Завет свидетельству Нового? Называет ли он себя где-либо совершенным и окончательным откровением Бога с требованием для себя более авторитетности, чем тот, который предписывается им Завету Новому? Разве Моисей не предсказывал Христа и не велел слушать Его во всем? Разве пророки не возвещали о будущем пришествии Мессии и об установлении Нового Завета, превосходящего Синайский Закон? Разве все прообразы и обетования древних откровений не предполагают более совершенных и славных новых откровений? Нужно ли ссылаться на тексты Ветхого Завета в подтверждение того, что Ветхий Завет никогда себя не выдавал за окончательное откровение, а сам себя всегда считал только подготовительной работой для проповеди Христа. Сомневаться в этом все равно, что сомневаться в Божественном вдохновении обоих Заветов, т. е. делать именно то, против чего так ополчились наши оппоненты. Поступать, как поступают они, равносильно лишению достоверности всей Библии.

Итак, если Новый Завет требует себе превосходства перед Ветхим, а этот последний в своих писаниях, пророчествах и обетованиях предвещает и провозглашает явление более славного и совершенного откровения и при этом подразумевает Новый Завет, то вопрос решен бесповоротно.

Утверждать разногласие Заветов, значит уличать оба Завета во лжи, и потому, доказывая солидарность всех Писаний Библии, я не только не отвергаю Ветхого Завета, но, напротив того, принимаю его свидетельство и воздаю ему должное почитание.

Обращаясь к Новому Завету и принимая его за правило веры моей и за указание моего образа действий, я тем самым воздаю благоговейное

почитание учению Ветхого Завета, тогда как те, которые обращаются от совершенства Нового Завета к несовершенству Ветхого, те, которые обращаются от сущности к тени, от солнечного света к свету искусственному с целью определить и выяснить свои христианские обязанности, этим образом действий топчут оба Завета и лишают силы всю Библию.

Ветхий Завет вообще за Христа и за высшую авторитетность Его поучений, главной же заповедью Иисуса, практическим выводом из закона любви, является учение о непротивлении, следовательно и Ветхий Завет за непротивление.

Вовлекающий Ветхий Завет в спор и борьбу с Заветом Новым — не друг ему, а враг обоим Заветам. И другом Моисея не может быть тот, кто требует для него равенства с Христом. Покушение это превращает верного служителя, царского вестника, которому поручено предупредить народ о приближении царя, в соперника этому же царю, в изменника своему повелителю. Но, несмотря на страшное логическое последствие подобных соображений, не было никогда недостатка в людях, ставящих Моисея даже выше Христа.

Моисей предсказал явление Пророка, которого в надлежащее время воздвигнет Господь, Моисей установил приготовления к пришествию того Пророка. Пророк тот был Христос.

Что же повелевает Моисей относительно благоговения ко Христу?

„Слушайтесь Его во всем, что Он будет говорить вам“. И пришел в мир Тот, о ком было предсказано, и говорил Он так, как ни один человек не говорил до Него. Некоторые заповеди Моисея он изменил, а другие безусловно отменил.

Моисей, по жестокосердию народа, дозволил мужьям разводиться с женами. Иисус безусловно запретил поступать так.

Моисей установил священную и судебную клятвы, внушая самое строгое исполнение клятвенных обещаний.

„Я же говорю вам, не клянитесь вовсе“, — сказал Иисус.

Моисей сказал: жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб. Отменил жестокий закон этот Христос и сказал: „А Я говорю вам, не противьтесь злему“.

И это самое превосходство Христа над Моисеем и было чувствительнейшим оскорблением для иудеев.

— За кого же Ты себя-то выдаешь, — говорили они Иисусу, — мы знаем, что с Моисеем говорил Бог, а не знаем, откуда Ты.

Когда простые поучения Христа о непротивлении разъяснены псевдохристианам, когда неопровержимо доказано им, что непротивление — евангельская заповедь, они считают ее слишком строгою. Старый закон возмездия им так мил, так дорог; нанесение зла, как средство противления злу, кажется им таким удобным средством, что, несмотря на невозможность перетолковать евангельские изречения, эти мнимохристиане отступают под защиту авторитета Моисея и отрицают отмену Иисусом Моисеева закона возмездия. Они прикидываются незнающими, что именно подразумевал

Христос, и притворяются вполне убежденными в том, что Он не касался вопросов войны, смертной казни, судебных насилий и самозащиты, а оставил все те вопросы в том самом виде, в каком их решил Моисей. И делают они это под видом чрезвычайного благоговения к Слову Божию, — ко всей Библии, дерзко утверждая, что христиане - непротивники презируют Ветхий Завет потому именно, что придают Христу и Новому Завету то самое значение, которое принадлежит им по свидетельству Ветхозаветных предшественников Мессии.

4.

Возражение второе. Бич из веревок.

„Приближалась Пасха иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меняла денег. И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли. При сем ученики Его вспомнили, что написано: ревность по дому Твоем снедает Меня" (Ев. Иоан. гл. 2, ст. 13 — 17).

— Разве этот поступок Иисуса не противоречит учению о непротивлении? — вопрошают оппоненты наши.

Решение вопроса о том, насколько образ действий Иисуса в данном случае не согласен с учением о непротивлении, находится в прямой зависимости от обстоятельств, сопровождавших этот случай, и от подробностей самого деяния.

Тут возникает ряд предварительных вопросов: нанес ли Иисус кому-либо обиду? Угрожал ли обидою выгнанным из храма? Повредил ли чью жизнь или здоровье? Нарушил ли самоуправно чьи-либо права собственности? Нанес ли он телу ли, разуму ли, общему ли благосостоянию какой-либо вред?

Если на эти вопросы получится ответ утвердительный, то окажется, что действительно образ действий Иисуса был несогласен с тем, что мы называем христианским непротивлением.

Нет сомнения в том, что Иисус чрезвычайно ревностно заступился за честь и святость храма, что Он, каким-то до нельзя внушительным способом, принудил большое число людей, торговавших внутри храма, очистить его от всех животных и от меняльных столов.

Этот факт несомненен. Торгаши и меняла не имели права занимать внутренность храма своими торговыми помещениями и, вследствие обличения Иисуса, должны были добровольно удалиться. Надеюсь, что эта нравственная обязанность нарушителей святости храма будет признана всеми. Следовательно, весь вопрос сводится к тому, нанес ли тогда Иисус обиду личную, нравственную или имущественную тем, кого изгнал из храма?

Если мы допустим предположение о том, что Иисус наносил изгоняемым удары сплетенным из веревок бичем, что Он опрокидывал столы, рассыпал во все стороны деньги, то вывод будет в пользу того, что Он обидел изгоняемых из храма. Но недостаточно допустить такое предположение, нужно его еще подкрепить какими-нибудь доказательствами, нужно поддержать его хотя бы тенью намека на то, что Иисус когда-либо, кого-либо тронул бичем, и что под выражением „опрокидывал столы" следует понимать именно недостойные телодвижения.

Христос настойчиво и властно приказал виновникам злоупотребления убрать из храма свои пожитки и товары, и, вероятно, помогал им при пересыпании монет, помогал снимать с мест меняльные столы и выносить их из храма. И делая это, Он и строг и решителен. Но буйствовал ли он? Оскорблял ли присутствующих? Наказывал ли кого?

Может ли истинный последователь Христа представить себе Божественного своего учителя бешено-нападающим, хотя бы и на святотатцев. Способен ли он нарисовать в своем воображении образ Христа, бьющего бичем вправо и влево, кого попало, разбрасывающего и мечущего вокруг себя все, что под руку попадет. Может ли он представить себе Христа, ломающего скамьи, столы, сиденья, ведущего себя как обезумевший предводитель мятежной толпы? Истинно верующий в закон любви Христа себе ничего подобного представить не может.

Знаю, есть люди, способные представить себе Христа в припадке, как они говорят, справедливого гнева, но и я же имею право рисовать в своем воображении картину о том, как именно поступал Иисус во время изгнания торжников из храма, и я не в силах допустить и тени предположения, чтобы Христос, наперекор всем своим правилам, сделал бы в этом именно случае что-либо несогласное с учением своим, не могу я допустить мысли, чтобы Он уклонился от общего духа и характера всей своей жизни.

Когда Иисус увидал храм, переполненный смешанною толпою, якобы почитателей Бога, — толпой, состоящей из малого лишь количества людей искренне набожных, частью же из ханжей, лицемерно соблюдающих обрядности, большею же частью из таких, которые, под видом служения Богу, заботились только о барышах и о наживе и лезли за наживою чуть ли не в самую „святая святых", лезли туда со скотом, птицею и меняльными прилавками, когда Христос услышал мычание волов, блеяние овец, воркование голубей, звон монет и крики торгашей сливающимися с молитвами, песнопением и возгласами, обращенными к Богу, то душа Его исполнилась скорбью и омерзением, ревностью божественной омрачилось сердце Его и наполнилось неудержимым желанием свидетельствовать против такого великого нечестия и святотатства. Обличить святотатство и прекратить его захотел Христос.

Взяв несколько валявшихся на полу веревок, Иисус связал их в пучок, в роде плетки или бича, и, поднимая этот бич, как эмблему осуждения, заслуженного этой толпой, Он стал уличать толпу в нарушении

богопочитания, уличать ее в богохульном издевательстве над Всемогущим, в оскорблении Отца такою гнусною смесью молитв и торгашества.

С возрастающим жаром негодующего обличения лилась речь Христа, — речь властная, нравственно-могучая, религиозно-авторитетная. Он громил, повелевая немедленно очистить храм и не делать из него „вертепа разбойников". Народ, изумленный и побежденный правдою и силою Его обличений, покорился влиянию нравственно-могучего Его слова и невольно принялся исполнять приказание о водворении благообразия в храме.

Я убежден, что во всем этом происшествии единственным двигателем была духовно-нравственная сила убеждения; я знаю, что Иисус лично не мог прибегать к физической силе, что Он всегда, как в самых серьезных случаях, так и в малейших подробностях жил согласно призванию своему — служению Богу и людям. Я глубоко верю в то, что в характере Христа не было ни буйства или фанатизма изувера, ни побуждений полицейского надзирателя, и что Он при изгнании каторжников из храма не обидел ни одного человека, ничего, кроме добра, не причинил никому из присутствующих.

Положительных доказательств ни в пользу моего объяснения, ни в пользу толкования противной стороны — нет. О том, какими инцидентами сопровождалось изгнание, об этом можно только гадать, а гадания те могут только обосновываться на большей или меньшей их вероятности. Правдоподобность же решает вопрос в пользу учения о непротивлении. Неестественно, неправдоподобно, немыслимо, даже просто нелепо утверждать, будто Иисус прогнал толпу жадных торгашей тем, что стал бичевать их, тем, что стал сечь их кнутом из сплетенной бечевки. Христос бичевал, сурово бичевал разум присутствующих справедливыми обличениями, при чем обрывки веревок могли служить эмблемой укоризны.

Это объяснение я допускаю, и в нем нет ничего, несогласного с учением о непротивлении.

Итак, Иисус очистил храм не буйством, не военным насилием, не полицейскими мерами, а единственно своею божественною, духовною мощью. Утверждая это, предлагаю за сим тем, кто придерживается церковного толкования, поискать и найти какое-нибудь очевидное доказательство в подтверждение того, что Иисус когда-нибудь, где-нибудь, кого-нибудь ударил, обидел, сделал какое-либо насилие.

5.

Два меча.

Наши противники говорят: „В 22-й главе, в стихе 36-м Евангелия от Луки, сказано, что Христос советовал ученикам своим обзавестись мечами, там сказано: „А у кого нет его, продай одежду свою и купи меч". А так как мечи могут иметь значение только как оружие нападения или защиты, то и ясна несостоятельность учения о непротивлении".

Возражение это кажется неопровержимым, но это только так кажется при поверхностном ознакомлении с теми фактами, о которых повествует упоминаемая глава евангелиста Луки. Действительно, Христос говорил ученикам своим, что надо приобрести мечи; сказано это было Иисусом вслед за тайною вечерей и перед самым предательством в саду Гефсиманском. На эти слова ученики ответили тотчас: „Господи, вот здесь два меча. Он сказал им: довольно!" Могло ли быть довольно двух мечей для вооружения или даже для самозащиты двенадцати человек? Одно это соображение уже очевидно доказывает, что не о самозащите думал Христос.

Когда Иуда предал Христа лобзанием и толпа приблизилась и схватила его, ученики спросили: „не ударить ли в мечи", а Петр мечем отсек ухо слуге первосвященника. У евангелиста Матфея в главе 26-й, в стихе 52-м находим мы ответ на вопрос, на что нужны были мечи Христу.

„Тогда говорит ему Христос: возврати меч твой в свое место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут".

Мечи нужны были Христу для того, чтобы самым наглядным образом, в самую торжественную минуту, окончательно и навеки осудить употребление оружия, даже в охранении невинностраждущих, даже для защиты собственной жизни.

Возражение, которое основывало свою мысль на инциденте с мечами, служит только подтверждением учения о непротивлении и как таковое и оценено нами.

6.

Возражение четвертое. Смерть Анания и Сапфиры.

— Внезапная смерть, постигшая Анания и жену его Сапфиру за то, что они обманули апостолов, скрыв часть состояния своего, которое пожертвовали церкви, эта внезапная смерть не что иное, как казнь, совершенная над этими двумя богоотступниками. Как же этот пример апостольского правосудия мирится с вашим учением о непротивлении? — продолжают возражать оппоненты наши.

Все это возражение голословно и недобросовестно. Смерть Анания и Сапфиры передана нам 5-й главой Деяний Апостольских без всякого указания, без намека даже на то, чтобы в смерти этих двух лиц был бы повинен кто-либо из апостолов или из учеников их; напротив того, событие это передается как пример Божьей кары, постигшей виновных без всякого содействия, вмешательства или даже желания человеческого.

Вот как рассказано само событие:

„Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирою, продав имение, утаил из цены, с ведома жены своей; а некоторую часть принес и положил к ногам апостолов. Но Петр сказал: Анания, для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли. Чем ты владел — не твое ли было, и приобретенное продажею не в

твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, но Богу. — Услыхав сии слова, Анания пал бездыханный. Через часа три после сего пришла жена его, не зная о случившемся, но Петр сказал ей: „Что это вы согласились искусить Дух Господень?" Вот входят в двери погребавшие мужа твоего, и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух."

Есть ли тут какое-нибудь указание на то, чтобы Петр или кто-либо из апостолов присвоил себе судебную и карательную власть над этими людьми?

Есть ли в этом повествовании хотя бы намек на то, чтобы кто из апостолов вызвал чем-либо смерть Анания и Сапфиры? Случай этот вовсе не из тех, на которые может опираться возражение. И потому я его исключаю.

7.

Возражение пятое. Человеческие правительства.

Ссылаясь на 13-ю главу Послания к Римлянам, оппоненты наши говорят:

„Новый Завет признает, что человеческое правительство установлено Богом на благо людям. Начальники признаются „страшными не для добрых, но для злых", они называются: „служителями Бога" и „отмстителями", в наказание делающим злое". Новый Завет поучает, что начальники „не напрасно носят меч", что христиане должны воздавать им: подать и оброк, и страх, и честь, должны повиноваться: не только за страх, но и за совесть, и кажется им, что эти поучения идут в разрез с учением о непротивлении. Далее, они еще указывают на следующие примеры.

Апостол Павел лично ссылался на свои права римского гражданина с целью исходатайствовать себе почетный выпуск из тюрьмы. Тот же апостол избежал от телесного наказания, ссылаясь на те же права. Он же прибегал под защиту военного начальства для того, чтобы защитить себя от заговорщиков. Он же апеллировал к правосудию цесаря, защищаясь от обвинений евреев.

Последние возражения враги учения о непротивлении черпают из Посланий ап. Павла и говорят:

„А так как все человеческие правительства со всеми их военными и судебными насилиями и устрашениями установлены Богом на благо человечеству; так как правители-начальники признаны служителями Бога, для покровительства невинных и для кары виновных; так как требования начальников должны быть исполняемы с покорностью не только за страх, но и за совесть, то, стало быть, и христиане не должны уклоняться от участия в правительственных мероприятиях, не должны уклоняться от войны, судебной и административной деятельности. Христиане обязаны нести совместно с правительством ответственность за меры общественной пользы

и быть надежнейшею опорою его. Христиане должны самым добросовестным образом стремиться к тому, чтобы облегчить задачи власти, облегчать ей достижение на земле возможного блага масс".

Это самое веское и соблазнительное из всех возражений, приводимых до сих пор. Это-то возражение и обманывает и сбивает с пути наибольшее число благомыслящих людей, и бороться с этим возражением куда труднее, чем со всеми прежними. А все-таки и оно ложно и лишено силы.

Понятие „правительство" — значит только порука общественного порядка; это та руководящая и регулирующая сила, которая удерживает отдельные личности в должных отношениях друг к другу и к общему целому.

Разумный христианин должен рассматривать каждое правительство с трех разных точек зрения: 1) правительство *per se* (само по себе); 2) правительство *de jure* (по праву), и 3) правительство *de facto* (на самом деле).

Правительство по существу (*per se*) — власть, стремящаяся к торжеству нравственного порядка, который возможен только в обществе существ разумных. Разум управляет материей, а правительственная власть управляет разумом. Нравственный порядок включает в себе всякий иной порядок, беспорядок же нравственный влечет за собою всякого рода уклонения, — и потому все в зависимости от высшей нравственной власти. Такою же высшею нравственною властью может быть только Бог.

Правительство *per se*, или правительство Божьей нравственности, — от Бога. Такое правительство не может иметь родоначальником какое бы ни было существо, оно непосредственно должно происходить от Бога, а потому само понятие — человеческое правительство — есть понятие несуществующее. Все твари Божии, в том числе и люди, всегда подвластны Богу и не могут ни созидать законов, ни пользоваться правящей властью, противной законам и власти Бога.

Если бы природе человека была присуща независимая правящая власть, то люди могли бы отменять или уничтожать законы Бога. Но этого нет, а, следовательно, всякое правительство, безусловно противное закону Бога, нравственно ничтожно и бессильно. За то же всякое правительство и всякий закон, согласные с законами и верховной властью Бога, — нравственно обязательны для всякого человека, и такие правительства подходят под вторую нашу точку зрения; они — правительства *de jure*, т. е. безусловно п р а в ы е .

Никто не станет оспаривать того, что все человеческие правительства должны покоряться Божьей правде, и если бы они покорялись ей, то перестали бы быть человеческими и по духу, и по последствиям. Они стали бы живым воплощением Божественной воли.

Итак, христианское непротивление не только не отрицает и не восстает против понятия — правительства *per se* или даже против человеческого правительства *de jure*, т. е. против человеческого правительства, которое в точности согласовало бы свой образ действия с Божьим велением, оно не

только не восстает против них, но чтит первое, как высочайше освященное, а второе признает искренне и глубоко желательным. Учение о непротивлении требует только от последователей Христа, чтобы они воздерживались от содействия таким человеческим правительствам, которые в основах своих не согласны с законами Бога, открытых нам Иисусом Христом.

Исповедание это привело нас к третьей точке зрения, а именно к правительствам *de facto*, к правительствам, каковы они в действительности.

Наше правительство Соединенных Штатов со всеми его усовершенствованиями, со всеми привлекательными профессиями и истинно-прекрасными учреждениями, есть ли оно в основе своей христианское правительство? Нет! Каково же было правительство во времена апостолов, правительства Ирода, Пилата, Нерона и прочих цезарей, при которых неправда, жестокость и тирания попирали все человеческие права, при которых весь обитаемый земной шар стонал и утопал в крови, при которых жгли и давали зверям на съедение святых мучеников и распяли Иисуса Христа?

Для того, чтобы решить, правильны ли ссылки на тексты, на которые указывают оппоненты наши, необходимо предварительно решить вопрос: о каком из трех родов правительств говорит апостол Павел в 13-й главе послания к Римлянам: говорит ли он исключительно о правительстве *de facto*, или же о правительствах *per se* и *de jure*. Если он ведет речь о верховно-нравственном правительстве или о правительстве правовом, то никакого несогласия не будет между его словами и учением о непротивлении, никакого разногласия нет и быть не может, и возражение падает само собою. Если же апостол говорит о человеческих правительствах, о тех, какие были в Римской империи, то для уяснения себе мысли апостола потребует дальнейшее исследование.

Допустим, что апостол Павел имел в виду те правительства и тех правителей, которым в то время были подчинены христиане. Допустив предположение, что изречение: „нет власти еще не от Бога“, относится ко всем правящим властям, — является строго необходимым определить в точности отношения как ап. Павла и прочих апостолов, так и отношения учеников их к правительствам и правителям того времени.

Если Христос, апостолы Его и ученики смотрели на цезарей, правителей и сановников, с их тогдашними приемами управления, как на угодных Богу служителей, если они в самом деле считали существующие правительства установленными Богом наравне с собственными христианскими, духовно-религиозно-нравственными учреждениями и властями, — то возражение наших противников будет доказано со всеми их логическими выводами об обязательности слепого повиновения и полной солидарности со всеми возмутительными мероприятиями предржавших властей.

Но почему же первые христиане так тщательно избегали всякого общения с правительствами своего времени?

Неужели враги учения о непротивлении последуют за мною при развитии их мысли в строго логическом порядке, неужели они сделают апостолов солидарными со всеми теми ужасами и жестокостями, какие совершались современным им правительством? Они наверно отрекутся от таких крайних выводов, они сами признают ужасную безнравственность и преступность тех самых правительств, которые, будто бы, Павел признает установленными Богом; они сами обратят мое внимание на страшное безбожие, разврат и жестокость тех самых начальников, которых будто бы апостол объявляет служителями Бога и отмстителями делающим зло. Оппоненты наши сами отрекутся от мысли той, чтобы правительства в роде Иродова, Пилатова, Неронова были установлены Богом в том самом смысле, в каком установлена Им Церковь Христова; им известно, что ап. Павел никогда не предполагал, что слова его будут поняты как панегирик кровожадности, как освящение зверства.

Вот в этом-то и заключается ловушка рассматриваемого возражения.

Кроме того, есть еще и настоящий смысл, при котором верны и все положения апостола, при котором оказывается, что все власти установлены Богом, что нет власти не от Него, что все начальники, даже самые злые, страшны не для добрых, но для злых, что все даже звери-правители — служители Бога на благо праведным и отмщение людям насилия и зла.

8.

Покорность правительствам, а не соучастие в них.

Весь Новый Завет говорит о покорности, терпении и непротивлении вообще, а следовательно и о тех же нравственных добродетелях в отношении к существующим правительствам, царям, наместникам и сановникам. Вменение непротивления в обязанность христианам само за собою влечет, как вывод из него, невозможность восстаний, бунтов, мятежей и всяких насилий. Христиане обязаны повиноваться властям во всем, что не противно воле Бога: воздайте кесарю кесарево, а Богу Божие.

Но, как бы старательно ни подбирались тексты, возможности найти в Новом Завете повеления вступать в сообщество с существовавшими в те времена правительствами, нигде нет указаний на то, чтобы христианам разрешено было принимать ответственные должности в гражданских или военных учреждениях человеческих правительств. Не найти в Новом Завете также ни разрешения прибегать к судебным установлениям, ни разрешения обращаться к личному покровительству военных или гражданских властей.

В связи с вышесказанным рождается еще вопрос: было ли предписано христианам воздавать честь, покорность и подать правителям и сановникам не как отдельным личностям, не как людям вообще, а именно в качестве организованной правительственной власти?

9.

В каком смысле все существующие власти установлены Богом.

Не мог апостол Павел высказывать желание и требование того, чтобы правительства оставались бы навеки вечные такими именно, какими они были. Не могли означать изречения Павла и того, что все правительства всегда непогрешимы и ни в каком случае не заслуживают осуждения. Цитаты, приводимые нашими оппонентами, не могут значить и того, чтобы цари, правители и сановники не обязаны быть деятелями нравственными, а самим саном своим как бы увольняются от общечеловеческих обязанностей: любить Бога всем сердцем и всем помышлением своим и любить ближнего, как самого себя, прощать обиды, благословлять проклинающих и воздавать добром ненавидящим их.

Апостол не мог изрекать такого правила, которое отменяло бы закон Бога, превращало бы справедливость в неправду и защищало бы правителей от осуждения за греховные их поступки.

Все приводимые изречения Павла сказаны в каком-нибудь общем смысле, указывающем на необходимость существования правительства вообще, при том соображении, что все правительства подвластны Божьему Промыслу, направляющему свыше их деяниями на благо человечеству.

В этом смысле, конечно, все власти установлены Богом, все цари, президенты, губернаторы — все служители Бога, то есть орудия Его Промысла; это одинаково верно, относительно самых развращенных, безнравственных и жестоких правителей, так и относительно самых достойных и добродетельных. Это верно как относительно Фараона, Навуходносора, Нерона и Робеспьера, так и относительно Мельхиседека, Давида, Марка Аврелия, Антонина и Вашингтона, и потому мы должны сознавать разницу между боговдохновенными и угодными Богу служителями и теми, которые носят меч на гибель и кару своих соплеменников.

Последние часто и не сознают, что они только орудия в руке Бога, что Он ведет их к Своим святым целям. Они чаще всего презирают Его заповеди, не боятся Его суда и топчут под ногами своими все божеские и человеческие законы, все, что служит помехою на пути их эгоизма, властолюбия, мстительности или разнузданных страстей и вожделений.

10.

Фараон — служитель Бога.

Вот что читаем мы в Библии о Фараоне:

„Для того Я и воздвиг тебя, чтобы на тебе показать власть Свою и чтобы имя Мое возведено было по всей земле“.

Фараон не признавал этого. Цели Всевышнего вовсе

не входили в его расчеты. Он действовал под влиянием исключительно своих безнравственных и злых наклонностей и побуждений, но все-таки, в великом общем смысле Промысла Божия, Фараон был установлен Богом,

был — слугитель Бога, — на благо Израилю и в наказание жестокосердых египтян. Фараон не признавал себя орудием Господа, не намеревался сделать то добро, которое вытекло следствием содеянного им зла, а все человечество находится в настоящее время в лучших условиях вследствие того, что Фараон, притесняя детей Израиля, тем самым ускорил их исход из Египта.

11.

Ассирийский царь — слугитель Бога.

То же самое было и с ассирийским правительством и государем.

„Горе Ассирийцу, жезлу гнева Моего: бич в их руках есть Мое негодование. Я пошлю его на народ лицемерный. Я дам ему повеление против народа гнева Моего, чтобы взять добычу, и произвести грабеж, и попать его, как грязь на улице" (Исаия, гл. 10, ст. 5 — 7).

Но ассирийский царь не так понимает свое назначение, и ум его мыслить не так.

„И когда Господь совершил все Свое дело над горою Сионом и Иерусалимом, Он сказал: Я вспоминаю о плоде надменного сердца царя Ассирийского и тщеславия высоко поднятых глаз. Потому что он сказал: я совершил (это) силою руки моей и по мудрости своей, так как я умен.

„Может ли секира тщеславиться перед тем, кто рубит ею. Может ли пила гордиться перед тем, кто пилит ею" (Исаия, гл. 10, ст. 12 — 15).

Таким образом оказывается, что и ассирийское правительство было установлено Богом, и царь их был поставлен, как слугитель, раб и орудие Его. Он был бичом в руке Бога для исправления лицемерного Израиля и был страшен для делающих злое, хоть и сам был величайшим злодеем.

Соображение же о том, что и ассирийский царь и Фараон были орудиями Бога, могло ли быть поводом к тому, чтобы пророки и лучшие люди Израиля вошли бы в сообщество с правительствами тех царей? Без сомнения, не могло, но, с другой стороны, этих соображений было вполне достаточно, чтобы побудить пророков и лучших людей Израиля продолжать проповедь истины, подавать пример праведности и терпения, ожидая избавления своего не от насилий и вооруженного сопротивления, а от Промысла Божия.

12.

Соображения, по которым правительства установлены Богом.

Все сказанное относительно Фараона и Ассирийского царя применимо одинаково к Навуходоносору, Нерону и вообще ко всякому правительству с точки зрения высшего, всем управляющего Промысла Божия и с этой точки зрения все сказанное ап. Павлом совершенно верно.

Истина эта не бесполезна, она даже многозначительна. Она необходима, как утешение и поддержка праведной жизни христианина, среди окружающего его зла, смятений и кажущегося беспорядка в делах человеческих правительств. Христиане, глазами веры, должны видеть руку Отца, управляющего событиями, сдерживающего волны злобы людской и господствующего над самыми могущественными учреждениями человеческих обществ. Не будь этой веры, христиане часто приходили бы в отчаяние, на них находило бы сомнение в спасении мира и все они оказались бы отброшенными в бушующий поток возмездия, мятежа, насилия и войны.

Итак: 1) Регулирующее и контролирующее начало необходимо, как основная потребность человеческой природы, и блюстители правды и добра должны существовать повсюду, где люди собираются в общество.

И потому правительство установлено Богом.

2) Человеческие правительства *de facto* представляют собою варварские злоупотребления и искажения того истинного правительства *de jure*, которое через христианство должно установиться на земле, а потому существующие правительства являются попытками приближения к христианскому идеалу настолько, насколько приближение это возможно при существующем нравственном уровне масс.

Следовательно, правительство установлено Богом.

3) Худшее из правительств все-таки лучше безусловной анархии, оно все же меньшее из двух зол и обеспечивает людям сравнительно сносное положение.

И потому, существующие власти от Бога.

4) В основании всех правительств всегда положены какие-нибудь великие истины; они сознательно поддерживают порядок и во многих отношениях побуждения правительств хороши; дела же их бывают хороши настолько, насколько они согласны с верховной волей Бога, выраженной в проповеди Христа.

И потому они установлены Богом.

5) Когда правители человеческих учреждений тираны, эгоисты, когда они безнравственны, дики и жестоки, то ими все же свыше руководит Бог и употребляет их как бессознательные орудия Его воли.

Следовательно, христиане должны воздавать всем правительствам, хотя бы и антихристианским, и честь, и покорность, и повиновение в делах добрых, исполнять все их требования, не противные законам Бога, и только устраняться от дел зла. Они должны терпеть неправду, не теряя надежды; противиться же распоряжению властей могут только правды ради, только в том, что безусловно грешно, перенося наказания с полным христианским непротивлением.

Если ученики Христа найдут возможность в сообществе с правительством внести в него начала христианского учения и сохранить законы Иисуса ненарушимыми как в себе, так и в тех учреждениях, в которых

принимают участие, то помощи им в том Бог! Если же надежды улучшить общественную жизнь на началах Иисусовой проповеди у них нет, то прямая обязанность всякого истинного христианина держать себя особняком от правительства, оставаясь при том мирными, безвредными его подданными.

Христианское призвание выше и благороднее призвания всякой политической или государственной деятельности, и истинный христианин не может изменить или бесчестить свое призвание. Чем большее число людей сохраняют верность идеалам Христа, тем скорее возвысятся и человеческие правительства. Если же последователи веры Христовой будут отрекаться, хотя бы в частностях, от принципов учения Иисуса в надежде поднять тем уровень существующих антихристианских правительств, то они жестоко ошибутся, — христианство унижится и одновременно с этим и человеческие правительства станут еще хуже.

Исполнение заповедей Христа — единственная забота христианина: — Господь позаботится об остальном.

„Ибо, нет власти еще не от Бога“.

13.

Отношение апостола Павла к правительству.

В доказательство необязательности закона о христианском непротивлении указывают на сношения апостола Павла с правительственными учреждениями. Это недоразумение или, по меньшей мере, ложный взгляд.

Первый случай обращения ап. Павла к римскому правительству изложен в главе 16-й, стихах 20-м по 40-й. Дело было так: Павел и Сила были жестоко избиты и ввергнуты в темницу по приказанию воевод Филиппа. На следующее же утро эти начальники отдали тюремщику приказание тайно выпустить их на волю, но Павел отказался от свободы на таких условиях и сказал: — „Нас, римских граждан, без суда всенародно били и посадили в темницу, а теперь тайно выпускают. Нет, пусть придут сами и выведут нас“. — Следствием этого заявления было то, что начальники, сознающие противозаконность своего поступка, обрадовались возможности исправить ошибку свою и выпустили узников с почетом. Этого только и домогался Павел; он и Сила были невинны и по законам страны не заслуживали ни тюремного заключения, ни телесного наказания; к тому же они, как римские граждане, имели право на вознаграждение. Павел о возмездии не упомянул, с радостью простил нанесенные ему обиды, домогался лишь публичного признания своей невинности. Он поступил именно так, как всякий непротивящийся обязан поступать в подобных случаях. И в самом деле, если бы Павел и Сила воспользовались бы данным им позволением бежать из тюрьмы, они тем самым дали бы повод предполагать, что были преступниками, которым из сострадания или снисхождения разрешен был

побег. Христианство заявляет свои права на любовь и уважение столь же решительно и бесстрашно, как и не противится воздаянием обиды за обиду.

Второй пример, приводимый нашими оппонентами, изложен в 22-й главе Деяний Апостольских. Евреи возбудили чернь и бросились на ап. Павла, били его и хотели умертвить. Во время этой дикой расправы тысяченачальник помощью войска разогнал толпу, взял Павла, велел заковать его и отвел в крепость. Взойдя на лестницу, Павел попросил позволения говорить с бушующей толпой. Его сначала слушали с большим вниманием, но когда он объявил, что призван Богом, чтобы проповедывать евангелие язычникам, вся толпа начала кричать: — Истреби такого! Ему не должно жить! — Тогда тысяченачальник отвел Павла в крепость и приказал бичевать его, чтобы дознаться от него о причине такого сильного народного возбуждения.

Невинный человек, ложно обвиненный и предательски окруженный наемной толпой, страдал единственно за то, что был христианином; его хотели подвергнуть пытке бичевания, чтобы вынудить признание в какой-то никому непонятной тайне. Апостол Павел был свободным римским гражданином и знал, что одно это звание спасает его от телесного наказания. Он и обратился к мучителям своим с вопросом: — Разве вам позволено бичевать римского гражданина, да еще и без суда? — Это заявление остановило приготовления к пытке, и сотник сказал тысяченачальнику: — Смотри, что ты хочешь делать, этот человек римский гражданин. — Когда же на вопрос о том тысяченачальника Павел ответил утвердительно, то тысяченачальник заметил: — Я за большие деньги приобрел это гражданство. — Павел же сказал: — А я родился в нем. — Тогда отступили от него те, которые хотели его пытать, а тысяченачальник испугался, что связал его.

Из этого рассказа вывод может быть сделан тот, что и в законодательстве Рима времен императоров смутно уже сознавались права человека: с римским гражданином следовало обращаться почтительно даже и в случае его виновности, предписывалось законом выслушать со вниманием все, что он мог привести в свое оправдание; он не мог быть подвергнут никакому наказанию без судебного постановления. Следя за повествованием этим, следует обратить внимание на то обстоятельство, что ап. Павел не покупал права гражданства, не исходатайствовал их себе, он был римским гражданином по рождению: он родился свободным, и только напомнил собиравшимся нарушить законы своей страны об этом правонарушении.

В напоминании том не было ни укоризны, ни угрозы, все в образе действий апостола исполнено кротости и благородства, и пример этот только может служить указанием для всякого христианина-непротивника.

Третий пример, на который указывают, случился вскоре после только что изложенных событий и изложен в 23-й главе Деяний. В то время, пока ап. Павел томился в заточении, сорок человек самых отъявленных врагов его

дали клятвенное обещание не пить и не есть, пока не убьют его. С целью вызвать Павла из тюрьмы, они обратились к тысяченачальнику с просьбой представить Павла на суд Синедриона. Сын сестры ап. Павла узнал о заговоре и сообщил ему. Тогда Павел обратился к одному из сотников и сказал: — Отведи этого юношу к тысяченачальнику, он может сообщить ему нечто важное. — С целью предупредить задуманное убийство, тысяченачальник отправил Павла с военным конвоем в Цезарию к губернатору Феликсу.

Противники наши уверяют, что рассказ этот свидетельствует о том, что апостол не находил предосудительным прибегать под защиту военной власти с целью защиты своей личности. Это видимая натяжка. Апостол покровительства не просил, конвоя не требовал, он только советовал племяннику поделиться своими сведениями с тысяченачальником. Если бы Павел был на свободе, то, согласно с учением о непротивлении, он удалился бы и тем лишил бы своих врагов привести в исполнение их греховный замысел, но он был в тюрьме, он мог предупредить только тысяченачальника и должен был то сделать и ради спасения собственной жизни, и ради уважения к тысяченачальнику, который ему незадолго до того доказал на деле, что он чтит законы своей страны. Другого способа предупреждения убийства у апостола не было, а то, что он сделал, было прямою его обязанностью. Возмездия заговорщикам он не добивался, никаких насильственных мер против них он не советовал, не просил ничего и не угрожал никому; тысяченачальник же доказал свое миролюбие и здравомыслие, устроив дело так, чтобы предупредить совершение преступления.

Апелляция к суду цезаря была последствием только что рассказанного происшествия. О ней упоминается в 25-й главе Деяний.

Апостол был ложно обвинен, подвергся продолжительному заключению и осужден за ересь и мятеж, но в течение двух лет приговор не приводился в исполнение, и Павел томился в ожидании казни. Губернатор Фест при поступлении на должность застал Павла в тюрьме. При пересмотре дела Павел доказал свою невинность во всех взводимых на него обвинениях. Тогда первосвященники и знать еврейская стали просить Феста о переводе дела в Иерусалим, помышляя убить Павла во время следования его из одного города в другой. Желая сделать угодное евреям, Фест обратился к Павлу с вопросом: хочет ли он итти в Иерусалим для пересмотра его дела? Павел ответил: — Я стою перед судом кесаревым, которым я и должен быть судим. Евреям я зла никакого не сделал, как ты в том мог убедиться сам. Если я повинен смерти, то с радостью прийму ее; если же нет тех преступлений, в которых они меня обвиняют, то никто не в праве выдать меня им. Требую суда кесаря.

Как благородно это воззвание к правосудию кесаря, какое вполне христианское обращение! В Иерусалиме беспристрастное решение не могло быть произнесено; соглашаться на предложение итти в Иерусалим значило

сознательно идти на убийство. Он мог выбирать между Римом и Иерусалимом, и он воспользовался этим правом для защиты и распространения учения Христа, для одновременной проповеди истины и защиты своей невинности.

И в этом случае, как и во всех прочих, Павел действовал именно так, как должен действовать всякий христианин-непротивник.

14.

Заключение.

Рассмотрев все, сколько я мог припомнить, возражения, которые приводятся в опровержение учения о непротивлении, я обращаюсь теперь с уверенностью к суду разума и совести читателя христианина и жду его приговора.

Не доказал ли я неопровержимо, что Св. Писание поучает непротивлению в том именно смысле, в котором изложено оно в первой главе настоящей книги? Не ответил ли я удовлетворительно на все возражения, приводимые из того же Писания моими противниками?

Существует ли другая заповедь в писаниях, которая опиралась бы на большем числе и на более убедительные доказательства?

Может ли какое другое учение привести более сильные доказательства в ответ на возражения противников?

Чистосердечные люди не могут ответить отрицательно на вышеприведенные вопросы.

Знаю, что заключение это знаменательно, что оно влечет за собою самую радикальную перемену во всех существующих взглядах и чувствах, во всем образе действий, во всем мирозерцании, как христианства, так и всего мира.

Но не славен ли и не спасителен ли был бы такой великий переворот?

Тогда все искренно почитающие Библию, как слово Бога, признают Ветхий Завет за пророчество и подготовку к Завету Новому, сознательным стремлением к полному развитию Царства Бога на земле. Тогда они увидят в наставлениях, примерах и духе учения Христа совершеннейшее проявление премудрости и благости Господней, тогда они всем существом своим почувствуют, что праведность Иисуса, проникшая во все сердца, наполняющая их своим живительным теплом, исповедуемая всею жизнью человечества — единственное целебное средство от всех болезней, бед и зол мира.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Непротивление и законы природы.

1.

Природа и законы природы.

Выражения — природа, законы природы — постоянно употребляются известным классом людей. Но эти господа, весьма проворно выговаривая эти слова, за весьма редкими исключениями понимают определенно значение их. Выражения эти могут быть, без сомнения, употребляемы в весьма широком смысле, но так как я прежде всего желаю быть ясным и определенным, то и предупреждаю, что слово — „природа“ будет употребляться мною всегда в смысле существенно-необходимого, составного начала (элемента), свойства, качества и способности какого-нибудь существа или предмета. Совокупность же всех этих элементов, независимо от простоты или сложности их, я буду называть природою рассматриваемого существа или предмета. То же, что не составляет безусловной необходимости, свойства, качества и способности какого-либо существа или предмета, будет не природою его, а только случайным или искусственным добавлением.

Человеческой природе присущи основные начала, свойства, качества и способности, совокупность которых необходима. Эти элементы присущи всему роду и только о них мы в праве сказать, что они безусловно необходимы, что они его природа. Но в личностях и в обществах человеческих имеются много случайных и искусственных начал, свойств и качеств, которые являются только последствиями различных временных, переходящих причин и обстоятельств, изменяющихся под условиями данного времени. Ни один из элементов этой второй категории не составляет необходимейшей части человеческой природы и все они могут быть изменены и даже отменены, не извращая настоящей природы.

Законами же природы я буду называть те формы, способы и методы, с которыми природа действует согласно в различных своих проявлениях.

Когда мы замечаем, что стремления и действия природы во всей сфере наших знаний всегда при одинаковых обстоятельствах одинаковы, мы заключаем, что этими стремлениями и действиями управляет известный закон, и тогда мы говорим, что все управляется по законам природы. Все, что нам кажется одинаковым, единообразным и всеобщим, или почти таковым, мы считаем следствием закона природы, следствием известного, необходимого стремления, которым обуславливается форма, способ и метод данного проявления.

Законы эти большей частью несовершенно истолкованы и о них чаще разглагольствуют, чем ясно понимают; они только звенья той непостижимой для ума человеческого цепи причин, которую мы, в растерянности нашей, называем то причиною причин, то вечно сущей божественной природой, то Богом.

Все, что мы можем, с некоторой уверенностью, признавать известным в этой цепи непостижимых *нечто*, называемых законами природы, — это только общность последствий в тесной рамке наших наблюдений.

Нечто о законах природы, пожалуй, и мы знаем достоверно; многое знаем лишь отчасти, при чем имеем способность всегда предполагать, что знаем несравненно более того, что знаем в действительности. О великом целом мы ничего не знаем. Даже о целом тех природ, которые более других поддаются нашему пониманию, мы очень мало знаем, мы очень невежественны. Подтверждением сказанного служит тот несомненный факт, что наши наблюдения длятся многие тысячелетия, а поле для наблюдений столь же широко и необъятно, как и было.

Будем же говорить только о том, что нам известно вполне и основательно.

2.

Самосохранение.

— Самосохранение — первый закон природы, — твердят порицатели закона о непротивлении.

— Согласен, что же из этого следует? — спрашиваю я.

— Следует то, что законом природы будет и самозащита от всего того, что угрожает уничтожением.

— И с этим положением согласен. Каков же конечный вывод этой аргументации?

— Вывод тот, что борьба, и, как последствие всякой борьбы, гибель слабейшего есть закон природы, а этим законом, несомненно, оправдывается и война, и насилие, и судебное возмездие; все это зло — прямой вывод и последствие закона самосохранения, а потому учение о непротивлении не верно, так как оно противно природе и неприменимо к условиям жизни на земле.

Рассмотрим это смелое утверждение.

Согласен с тем, что самосохранение — первый закон природы, что он побуждает к самозащите. Соглашаюсь с верностью того факта, что люди, обыкновенно, по примеру низших организмов, борются друг с другом, обижают и даже убивают друг друга под предлогом самозащиты или ради чего-то, будто необходимого для самосохранения. Но прошу позволения оговориться, что, соглашаясь с последним положением, я тем только утверждаю факт тот, что люди, обыкновенно, весьма безумны и злы.

3.

Истинный способ самосохранения.

Рассмотрим, насколько общепринятый способ самосохранения хорош, практичен и целесообразен.

Если бы возмездие было истинным и верным способом самосохранения, то он достигал бы своих целей безукоризненно верно; он охранял бы человеческую жизнь, обеспечивал бы безопасность от насилий и

достигал бы этих результатов вернее и действительнее, чем всякий иной способ самосохранения.

Таковы ли последствия от применения вот уже семь тысяч лет под ряд, а то и еще более продолжительное время, пресловутого закона возмездия? Нет и нет! По самому умеренному расчету во имя закона возмездия войнами и казнями убито четырнадцать тысяч миллионов людей, и все эти жертвы, принесенные учению борьбы и возмездия ради самосохранения, не привели ни к чему. Сколько невыразимых мук, страданий, горя и бедствий перенесло человечество, преследуя цель самосохранения на этом пути, сколько еще и теперь приносится ежедневно жертв этому бесчеловечному закону, и все напрасно! Неужели все эти вопли, стоны, слезы и страдания, вся эта пролитая кровь не приведут нас к убеждению, что закон борьбы только дикий вывод слепого инстинкта, излюбленная эмпирическая панацея темного невежества, губительный талисман варварского суеверия. В действительности же закон борьбы злейший враг человечества, истребитель рода людского!

Если бы закон борьбы был бы действительно лучшим способом самосохранения, как бы глубоко несчастна и жалка была судьба людей!

Если только ценою крови возможно охранять жизнь, то и жизнь сама по себе весьма сомнительная ценность.

Если бы еще ценою гибели миллионов людей достигли бы правды и добра, если бы хищение, насилие, неправда, гнет, обиды и оскорбления оказались бы, наконец, побежденными одним или несколькими примерами страшного возмездия и водворилось бы затем доверие, правда и миролюбие! Если бы меч самозащиты загнал бы меч насилия в его кровавые ножны и в вечном бездействии съела бы его ржавчина, тогда, и то с трудом, возможно бы было допустить, что общепринятый способ самозащиты если и безнравственен, то практически верен; теперь же, при наличии одних только отрицательных фактов верною истиною будет евангельское изречение: взявшие меч мечем и погибнут.

С другой стороны, предположив, что со времен Авеля ни один человек или народ не поднял бы оружие возмездия на обидчика, случилась ли хотя бы малейшая доля всех тех массовых и личных убийств, из которых сложилась вся история человечества?

Представьте себе худшее из всех предположений, представьте себе, что все люди обратились в непротивников и дайте притеснителям самый неограниченный произвол, допустите, что они совершают грабительства, разбои, жестокости и убийства, какие им заблагорассудится, — разве, даже и при этих, нарочито вымышленных, условиях было бы загублено столько человеческих жизней, было бы перенесено родом человеческим столько бедствий, сколько он их претерпел уже и переносит до сих пор, благодаря ложному взгляду на самосохранение? Правда же в том, что человек сам себе закрыл свет истины, шел наперекор влечениям собственного сердца, был введен в заблуждение, был обманут, обольщен и шел к собственной

гибели, потому что внимал внушениям тех, кто эксплуатировал злые его помыслы. Он не хотел внимать слову Бога, желая сам найти свой путь, хотел быть безумным хищником, истребителем и убийцей.

Но Бог, как любящий Отец, не отрекается от него, хочет дать ему благо, указывая на истинный и верный путь к самосохранению. Путь этот найден, он указан Христом в заповеди о непротивлении.

Когда человечество услышит голос Христа, и поверит ему, — человечество будет спасено.

4.

Возражение.

— Вы осудили общепринятый способ самосохранения несправедливо, — возражают противники наши, — вы взвели на него обвинение в гибели всех жертв насилия, тогда как он ответствен только за жизни, отнятые в силу закона возмездия, в случаях невменяемых убийств, каковы войны и смертные казни по суду; за все же остальные смерти ответственность остается на злобе и порочности хищников, преступников и злодеев, да кроме того вы умышленно умалчиваете о всех тех жизнях, которые были спасены, благодаря системе устрашения.

Дело не в частных случаях. Вопрос в целесообразности тех, по мнению противной стороны, невменяемых убийств. Очень может быть, что устрашение и охранило многие жизни. Вероятно, что оно предупредило не мало обид в частных случаях; но что сделала система эта вообще, и чего она безусловно не достигла.

Закон борьбы не предохраняет человеческой жизни и не дает блага миру. После шести тысячелетий неуклонной приверженности закону возмездия весь мир вооружен и все еще вооружается, с каждым годом растут и растут расходы на военную организацию; она поглощает все финансовые силы народов в ущерб улучшения народного здоровья и народного образования. Везде застой; только и виден прогресс в улучшении науки убийства. Ясно, что тут что-то не так ладно, — ясно, в основе этого страшного явления лежит обман или заблуждение. При отсутствии всякого сопротивления, худшее, что возможно предполагать, были бы ни чем не мотивированные убийства, хищнические нападения, и, в общей их сложности, все эти личные правонарушения были бы *ничто* в сравнении с тем злом, какое переносит человечество при действующем ныне законе борьбы и возмездия. При отсутствии сопротивления все частные проявления злой воли постепенно исчезли бы, отступая невольно перед нравственным величием возрожденной общественной совести.

Кроме своей, тысячелетиями доказанной, практической несостоятельности, закон возмездия имеет еще страшно растлевающее нравственное влияние. Насилие само по себе опьяняет. После нескольких стычек, после нескольких залпов, нескольких приступов и отступлений

теряется сознание о том, кто зачинщик, кто виновник этого зверского дела и, в глазах участвующих в резне братьев, все это вопиющее зло приобретает значение неменяемых убийств. Нет той воюющей стороны, которая не утверждала бы, что стоит за правду и домогается лишь честного мира: у той задета честь, другая лично обижена, третья защищает свою собственность, четвертая воображает себя нравственно униженной, и все они, запасшись лучшими средствами для лишения жизни возможно большего числа людей, готовы ринуться друг на друга во имя первого из законов природы, закона самосохранения. Они убеждены, что самозащита — законное их право и что высший вершитель раздоров, единственный посредник и судья — меч.

Когда-то, очень давно, было первое хищническое нападение, и с того времени накопилось столько взаимных обид и оскорблений, что никто, кроме Бога, не в силе определить: кто перед кем наиболее виновен. Эту путаницу поддерживает и увековечивает теория самозащиты, заявляя на словах о своем стремлении к прекращению насилия и сама постоянно творя насилие, как способ охранения от него. Закон возмездия обещает личную безопасность, но подвергает приверженцев своих не только усиленным нападениям, но и бесчисленным опасностям, жертвам и бедствиям. Он грозит кулаком, замахивается бичем, поднимает меч, как бы для устрашения и в защиту мира, но тем самым постоянно возбуждает, поддерживает и увековечивает борьбу.

Закон этот исстари был обманщиком и лгуном. Он — сатана, хвалящийся, что изгонит сатану, — но утверждает только его могущество и размножает число демонов, властвующих над несчастным родом человеческим. Он ведет не к самосохранению, а к самоистреблению.

5.

Аналогия с животными.

„Борьба за существование в природе всех животных, следовательно, и в природе человека. Человек прирожденный боец. Таким он всегда был и будет, пока сила будет иметь решающее значение на земле. Когда есть люди добровольно перестанут считать сопротивление насилию делом правым и возможным, тогда настанет мир, но будет ли то когда? Вы можете, сколько угодно, убедительнейшим образом говорить на тему о вреде общепринятого способа самосохранения, можете бесконечно-разнообразно проклинать его, но человек не перестанет сопротивляться, будет все же отстаивать силу и жизнь свою, и права". Нет, это неправда.

Человек не создан озорником, хищником, забиякой, разбойником и убийцей. Действительно, он, подобно некоторым хищным зверям и птицам, со времен Каина и до наших дней творил насилие и зло. Но это еще не может служить доказательством тому, чтобы таков был закон его природы, чтобы верен был силлогизм, в силу которого то обстоятельство, что он

делал зло до сих пор, давало бы право заключить, что он, кроме зла, ничего не будет делать и во веки.

Вы говорите, что сопротивление, война, смертная казнь и все кровопролития не прекратятся, пока насилие будет существовать, и сомневаетесь в том, чтобы это было осуществимо; вы даже утверждаете, что насилие, как необходимое последствие закона природы, не может когда-либо прекратиться. Прямой же вывод из ваших утверждений тот, что сама природа заставляет, принуждает человека нападать и сопротивляться именно так, как он это делает теперь, и что нет надежды когда-либо освободиться из-под гнета этой страшной необходимости.

Что за кощунственное утверждение! Я отрицаю, чтобы существовал такой закон природы; я отрицаю существование природной необходимости, заставляющей человека обижать ближнего своего; точно так же, как отрицаю существование закона природы, предопределяющего человека на беспробудное пьянство в течение вечных времен. Человек может бросить пьянство, он может и перестать драться, его можно вылечить от сумасшествия войны, его можно убедить в необходимости воздержаться от нанесения обид в виде нападения ли, сопротивления или самозащиты. Вопрос сводится только к тому: следует ли внушать хорошим людям, что непротивление есть закон, так же как мы внушаем злым, что ненападение есть закон, или же, по заведенному обычаю, следует проповедывать только о ненападении, предоставляя сравнительно хорошим людям полный простор в противлении в ожидании того момента, когда нападение прекратится само собою.

Добрые люди желают, чтобы злые исправились, преобразились бы в добрых. Для достижения этой цели они могут не платить злом за зло, могут добром содействовать перерождению злых или, придерживаясь закона возмездия, тем самым мешать этому перерождению.

Какой же путь изберут истинно добрые люди?

Христос учил перерождению этому итти разом с обоих концов: дурным людям прекратить обиды наступательные, а добрым прекратить обиды оборонительные. Кто же станет вожаком этого поступательного шествия? Мыслимо ли добрым выжидать, пока злые прекратят нападения? Христианство отвечает на этот вопрос: „Нет, не надо ждать, добрым надо быть солью земли, светом мира, им следует терпеть обиды скорее, чем наносить их; их дело побеждать зло добром.

Возможно ли это или действительно существует какая-то роковая сила, вынуждающая человека поддерживать борьбу?

Я отрицаю существование этой необходимости.

6.

Общепринятый способ самосохранения безусловно ложен.

Борьба и возмездие вовсе не законы природы, а только прискорбная ошибка человеческого разума, ошибка мысли, сделанная в то время, когда ему пришлось впервые решать, какими путями и средствами возможно достижение самосохранения. Ошибка теперь признана, и от человека, как разумного существа, требуется замена ошибочного вывода другим, истинным.

Ясно так же и то, что природа может заявлять требование на нападение совершенно в равной степени с требованием сопротивления; что, следовательно, в сущности, она не требует ни того, ни другого.

Можно разучиться, можно отвыкнуть от нанесения обид; они могут быть навеки прекращены, не извращая тем ни одного основного начала, свойства, качества или способности человеческой. Скажу более: люди, когда достигнут этого нравственного совершенства, станут лучше, человечнее, — словом, станут настоящими людьми; вся физическая, нравственная и умственная природа их будет гармоничнее и превосходнее развита, чем теперь, — следовательно, непротivление не может быть противно природе, и если оно будет проведено в жизнь, то не может оказаться неудачным способом для достижения всеобщего и полного самосохранения.

Итак христианское непротivление находится в полном согласии со всеми известными законами природы и оно необходимо безусловно, оно способствует усовершенствованию всех форм человеческих отношений, исправляет те пагубные условия, под гнетом которых совершалось до сих пор человеческое развитие.

7.

Пять главных законов человеческой природы.

Основные законы человеческой природы следующие: 1) самосохранение, 2) солидарность (общность), 3) нравственный долг, 4) рациональная гармония, разумное согласие и 5) совершенствование (прогресс).

Эти пять законов всемирны и вечны.

Под влиянием закона самосохранения, тождественного с понятием себялюбия, человека влечет инстинктивно к жизни и благу, он боится смерти, избегает всего, что может быть вредно, старается сохранить уже приобретенные блага и всеми доступными ему способами стремится к приобретению большего и большего блага. Этот закон побуждает человека беречь свою особь, заботиться о ней и обставить ее наилучшими условиями существования. Пути же и средства к достижению высшего возможного блага закон самосохранения не указывает.

Указать пути и средства дело уже другого закона, и вот почему мы видим, что люди прибегают часто к таким путям и средствам, которые положительно мешают достижению цели самосохранения и нередко губят самую цель.

Под влиянием закона солидарности, который в первобытнейшей форме сказывается в половом влечении, люди сходятся сначала в семьи, затем семьи группируются в общины, роды, государства, народы, и при этих взаимных сношениях возникают чувства любви, привязанности, преданности, — словом, возникают все основы общественных отношений. Солидарность вызывает в человеке потребность общительности, потребность дележа благ и зол жизни с другими людьми, но и этот закон не дает человеку прямых указаний на лучший способ к достижению высшего блага, не указывает верных путей и средств к достижению общественной пользы и общественного благосостояния, и потому люди так часто входят в самые неподходящие соглашения, устанавливают и поддерживают самые извращенные противоестественные учреждения; несмотря на то, благо ли, зло ли являются последствием этих ошибок, человек остается существом общительным, потому что таков основной закон его природы.

Под влиянием закона нравственного долга человек верит в Бога и в законы Его, сознательно чувствует зависимость свою от воли Бога, благодарность за благо жизни, сознает себя неоплатным должником Его, отличает правду от неправды, знает, что волен выбрать любой из двух путей (путь добра или зла) и понимает, что ответствен за сделанный выбор.

От внутреннего сознания ответственности нравственной происходит постоянная борьба между высшими и низшими свойствами природы человека. Плотский, чисто животный, инстинкт стоит за необузданное удовлетворение всех животных похотей; духовное же разумное начало твердит: делай только добро, воздерживайся от всего остального, как бы страстно того ни желало бы твое тело.

Плотские склонности влекут человека по широкому пути удовлетворения всех без стеснения физиологических его потребностей; нравственный же долг, указывая на закон Бога, запрещает плотскую распущенность, указывая на нее как на грозную опасность духовного его благополучия.

Человек должен творить волю Пославшего его, должен делать добро несмотря ни на что; даже с целью сохранения собственной жизни он не в праве делать зла. Человек должен отречься от себя во имя служения закону любви, первому из законов Бога.

И этот даже великий и могущественный закон не дает человеку безусловно верного представления о добре и зле, правде и неправде, и миллионы людей поклонялись и еще поклоняются ложным богам, считая правдой и добром то, что в действительности зло и неправда, и несмотря на все эти ошибки, человек всегда был и будет существом нравственным.

Займемся теперь законом разумного согласия. В силу этого закона люди находят наслаждение только в том, что соразмерно, строго согласовано одно с другим. Человеку неловко, он недоволен, его беспокоит и раздражает всякая непоследовательность, всякая несообразность, всякая аномалия, на которую он наталкивается, как в собственном быту, так и в окружающем

мире. Его рассуждающая способность, умственные его силы постоянно возбуждены и напряжены, они стремятся разыскать и устранить все, попадающаяся на пути его мышления причины противоречий и несогласий. Пока человек находится на сравнительно низкой ступени умственного развития, он ограничивается констатированием недостатков, ошибок и вытекающих из того зол и бед, он только негодует и скорбит, но по мере того, как развиваются и крепнут его умственные силы, по мере того, как он сам подается по пути развития, он становится преобразователем, он движет мир вперед.

Человек не может не быть преобразователем, он преобразователь в областях нравственной, правительственной, воспитательной, он преобразователь в науке, в искусстве, во всех вопросах теоретических и практических. Все, что встречает он на пути, все подвергается его критическому анализу и преобразованию, и хоть он не в силах сразу устроить все так, как должно быть, но его прямая обязанность устранить теперь же, сейчас, то, чего не должно быть.

Беспрерывная и неутомимая работа мысли происходит от непобедимо-глубокого желания примирить все противоречия и привести все к стройной соразмерности, к полной гармонии.

Противоречие и несообразности указывают на ложь и зло; истина же и, добро гармоничны.

Не мало преобразований совершил уже закон всеобщей гармонии, не мало уже исправил он заблуждений, развившихся на почве порочности и невежества, но ему остается совершить еще очень и очень много.

Пятый закон, закон совершенствования или прогресса, следует по пятам предыдущего закона, — даже, вернее, существует совместно с ним. Это стремление к чему-то высшему и лучшему, чем то, что выработано уже человечеством. Этот закон побуждает человека искать, наблюдать, подражать, изучать, исследовать, в надежде найти новые пути, и вызывает в нем неослабную настойчивую деятельность. Работа эта, на благо людям, исправляет, облагораживает и совершенствует человека, и он будет всегда совершенствоваться, — совершенствоваться бесконечно в мире новых чудес, новых подвигов и откровений, внушаемых ему разумом Божиим.

Вся жизнь мира есть движение, и природа человека не может мириться с застоєм.

8.

Гармоническая связь этих законов.

Между вышеперечисленными пятью законами природы немислимы противоречия или несоответствия, — чем каждый из них будет развит полнее, тем более прекрасным и блаженным существом станет человек; человечество же станет любящею, разумною, согласною, святою семьей.

Закон самосохранения или себялюбия будет обеспечивать достижение своей цели тогда именно, когда закон солидарности преобразит всякого ближнего в второго „самого себя“, и об обидах, наносимых друг другу, не будет и помина. Достижение этого идеала в зависимости от закона нравственного долга будет тогда, когда нравственный долг совершенно подчинит себе плотские наклонности, отождествив правду с безусловным высшим благом. Эту же работу неустанно делает закон разумного согласия. Он везде и во всем выясняет заблуждения, искореняет злоупотребления, борется с предвзятыми ложными мнениями и находит всегда истинный свет, освещающий путь к прогрессу.

Безусловное добро, безусловное зло и вечные истины существуют, — они есть, и закон рациональной гармонии приведет человечество к познанию их.

Закон прогресса или совершенствования увеличит и расширит познания, прибавит свет к свету, истину к истине и победу к победе. Невежество, заблуждения, безумие, порок, все эти язвы человечества останутся позади, все они отойдут в прошедшее и усовершенствования последуют за усовершенствованиями, пока все борющиеся начала не примирятся, пока все противоречия не сгладятся и не водворится одна кроткая, любящая, высшая гармония и наполнит счастьем всю вселенную.

Эта славная цель предначертана Богом, ее предсказывали пророки Его, — это то Царство Бога, на которое уповали все передовые люди прошлых поколений; то, на что уповаем и мы.

9.

Совершенное согласие непротивления с этими законами.

Не согласно ли учение о христианском непротивлении с общими законами человеческой природы.

Противно ли оно закону самосохранения?

Непротивление не губит жизни, а охраняет ее, не увеличивает, а уменьшает число человеческих обид, не делает человека несчастным и жалким, а дает ему несравненно более безопасности, спокойствия и счастья. Учение о непротивлении предлагает именно то, чего требует закон самосохранения, предлагает всеобщую, полную неприкосновенность человеческой жизни, неприкосновенность той именно жизни, которую при учении о возмездии так дешево ценят и так легкомысленно расточают.

Противно ли учение закону солидарности?

Оно все построено на солидарности. Учение наше именем любви и милосердия умоляет человечество считать себя одним великим братством, умоляет воздерживаться от угнетений и насилий, а все прощать, без конца прощать.

Противно ли учение о непротивлении закону нравственного долга?

Учение это существеннейшая часть проповеди Христа. Учение это краеугольный камень, на котором построен весь свод нравственных обязанностей. Применение учения этого к жизни — высшее повиновение воле Бога, служение вечной правде.

Противно ли оно закону рациональной гармонии? Конечно, нет! Оно прекращает всякие войны, насилия, обиды, уничтожает всякий раздор, всякую борьбу, на несокрушимой скале нравственных правил закладывает прочное и широкое основание умиротворению и гармонии мира.

А теперь, вместо разума и чувства, правит всем грубая сила и стоит на страже ею созданных заблуждений. Правда и истина в загоне. Сила — есть право, — говорят защитники существующего порядка, — и седое безумие скачет вперед на боевом коне и в своем бешеном натиске давит все святое и живое.

Противно ли наше учение закону прогресса?

Напротив того, оно плод закона прогресса, доказательство существования этого закона. Учение это говорит: слишком уже долго человечество остается в роли буйного, злонравного, битого и сеченного ребенка, пора ему стать разумным существом. Человечество может быть руководимо нравственными началами; пора ему прекратить служение свое похотям плоти в ущерб началам разума, пора ему прекратить ссоры, драки, вражду, так как не подлежит сомнению, что зло побеждается только добром.

Нет более ложного утверждения, как то, что христианское непротивление противно законам природы. Оно в полнейшем согласии с ними; оно противно только тем безумным и извращенным способам, к которым человечество прибегало до сих пор, уверяя себя, что действует по велениям законов природы.

Закоренелый пьяница, привязанный многолетней привычкой к одуряющей его водке, уверяет, что полное воздержание противно его природе; на самом же деле водка эта противна его природе. Хотя он и не раз прибегал к алкоголю для поддержания своих сил, и хотя при этом и казалось ему, что средство это ему помогало, но это так только ему кажется; в действительности же водка убивает его умственные и физические силы. Алкоголик не хочет верить тому, и продолжает видеть в водке свое спасение.

Точь в точь в таком же положении находятся и общества, одержимые запоем борьбы и возмездия.

10.

Все рождает себе подобное.

Во всем мире физическом, умственном, нравственном и духовном — все рождает себе подобное.

Не как следствие ли обиды родилась или, вернее, произошла та обида, от которой страдает весь мир? Отчего человек, который перенес обиду, всегда желает нанести равную обиду?

На этот вопрос обыкновенно отвечают, что это делается из чувства самозащиты, но ответ этот нелогичен, так как самозащита могла бы быть достигнута и другими способами, а тут идет речь о том именно, что на всякую обиду отвечают непременно обидою же, и становится вопрос, почему так?

— Потому что только таким способом достигается цель, — отвечают мне. Но этот ответ вполне голословен и, ничего не разъясняя, не отвечает на вопрос: отчего первым влечением обиженного будет всегда желание ответить обидой на обиду? И так как удовлетворительного ответа я не получаю, то и отвечаю сам:

Это происходит именно так вследствие закона природы: все рождает себе подобное.

Это ветхозаветный око за око, зуб за зуб, удар за удар, насилие за насилие, жизнь за жизнь. Это изречение современной мудрости в роде следующих: — Сделаю с ним то же, что он со мною сделал! Отплачу ему тою же монетою! И по делом ему! Пусть знает на опыте, каково поступать так, как он поступает!

Таковы чувства и речи противящегося. И чувства те и речи доказывают, что обида рождает склонность к такой же обиде, что насильственное действие ведет к другому такому же насильственному действию. Следуя друг за другом, все эти насилия, вызывая друг друга, прекращаются только полным истощением сил одной из борющихся сторон. Если нападающий сильнее, то станет только сильнее драться; если же он окажется слабее противника своего, то уступит, покорится ему, вовсе не по убеждению в своей неправоте, а только по необходимости, и затаит свою бессильную злобу и отложит отмщение за поражение до более удобного времени. Если бы справедливость и совесть имели бы такое влияние на нападающую сторону, то эти чувства подействовали бы не в пример могущественнее на его душу при отсутствии всякой обороны со стороны подвергающегося нападению.

11.

Примеры из обыденной жизни.

Пример первый:

Иван Иванович — человек характера вспыльчивого, сварливого и буйного. Можно безошибочно предсказать, что при встрече его с другим субъектом такого же типа, как он, между ними непременно произойдет ссора или даже драка. Иван Иванович заряжен как Лейденская банка; от него во все стороны идут нечто в роде магнетических токов, — не может он приблизиться к другому субъекту, насыщенному электричеством так же, как

он, чтобы между ними не последовал бы взрыв. Куда бы ни шел Иван Иванович, он повсюду несет с собою атмосферу, насыщенную ссорами и недоразумениями; даже люди, обыкновенно миролюбивые и вежливые, в обществе Ивана Ивановича раздражаются и вступают с ним в спор. Он одним присутствием как бы магнетизирует. Если Иван Иванович и живет в мире с некоторыми людьми, то только с теми, которые по прирожденной скромности или по убеждению являются относительно его непротивящимися. Без сомнения, людям этим не особенно приятны отношения с ним, им живется не легко, но прощая и перенося его обиды терпеливо, им удастся удержать его в границах сравнительного приличия; они могут даже прожить с ним целую жизнь.

Кто не знает таких людей, и кому не известно, что с ними ничего не поделаешь при помощи сопротивления и насилия? Их можно поколотить, избить до полусмерти и не раз, а бесконечное число раз, и ничего не добиться, кроме усиленной злобы и ожесточения.

Этот род зла изгоняется только постом и молитвою, то есть кротким обращением и воздержанием от насилия.

Возьмем другой тип: тип Николая Васильевича.

Он одержим безграничным высокомерием, самомнением и самолюбием, горд, спесив, чванлив и презрительно обращается всегда со всеми.

Какие явления может вызвать встреча двух таких самодуров при взаимном раздражении их болезненного самолюбия? Они немедленно станут друг перед другом важничать, кичиться, хвастаться и унижать друг друга, и каждый из них будет винить другого в том, в чем сам виноват; будет громко обличать невыносимую наглость своего собеседника, — даже не подозревая, что ему таким отвратительным кажется отражение собственного лица. Предположите, что Николай Васильевич появляется в обществе людей скромных и непритязательных; он непременно поведет речь свысока, будет невнимателен к речи других, будет пренебрежительно относиться ко всем присутствующим, и эти скромные люди обидятся, в их души упадет вопрос: чем же мы хуже его? как он смеет так невнимательно относиться к нам? Эти скромные люди заразятся самомнением. Откуда же взялось оно? Если не родилось, то в значительной степени развилось самомнение это от соприкосновения с зараженною самомнением личностью Николая Васильевича.

Все рождает себе подобное.

В контраст Николаю Васильевичу вспомните людей, талантливых, всем известных, пользующихся большим влиянием на духовную жизнь своих современников, которые доступны всякому, внимательны к каждому жаждущему просветиться в беседе с ними, скромны, гостеприимны, вежливы, — как те люди любимы, как вокруг их образуется семья преданнейших друзей. Даже завистники — и те бывают обезоружены отсутствием отпора на клевету и брань.

В заключение представлю вам еще Амвросия Пантелеевича, как человека, очень любящего барыши вообще. Он считает себя как бы обязанным всегда и со всякого взять лишнее; всякий раз как он при расчетах дает сдачу, к его рукам непременно пристанет чужая полушка; он только и счастлив в те дни, в которые ему удалось содрать с кого-нибудь какой излишек. Заметьте еще ту особенность, что нет человека, который чаще и убежденнее жаловался бы на людскую скаредность, чем Амвросий Пантелеевич, и со своей точки зрения Амвросий Пантелеевич прав: ему очень редко удастся встречать людей, которые не протестовали бы против этих мелких правонарушений, редко кто пропускает ему без замечаний мелкие ошибки его при расчетах, а он плачется над отсутствием в людях евангельских добродетелей.

Отчего же люди не мелочные, люди даже бескорыстные не пропускают Амвросию Пантелеевичу его копеечных ошибок?

Оттого, что эгоизм этого человека заражает ядом своим тех, кто с ним имеет дело. Его жадность к приобретению возбуждает такую же жадность, и клиенты его начинают стоять за свои гроша, ставя себе как бы в обязанность не поощрять хищнических стремлений Амвросия Пантелеевича. Клиенты его говорят:

— Мы не бараны, не позволим себя стричь, не позволим ему эксплуатировать себя ни под видом барышей, ни под видом лихоимства. Надо в оба глядеть, имея дело с таким старым скрягою. Полушка небольшие деньги, да пусть же она достанется не ему.

Все родит себе подобное.

Те же самые люди, которые при счетах с Амвросием Пантелеевичем торговались из-за безделицы, стояли горою за незначительный барыш, в сношениях с человеком совестливым, бескорыстным и правдивым никогда не поднимут вопроса о таких вздорах и всегда скорее поступятся своими интересами, чем сделают шаг, который мог бы казаться неделикатным относительно всеми признанной безукоризненности человека, выставяемого мною, как противоположность типу Амвросиев Пантелеевичей.

Все описанные мною случаи не в природе ли вещей, не встречаются ли они в обыденной жизни на каждом шагу?

Закон: все рождает себе подобное, — должен бы открыть глаза и убедить всех в том, что непротивление не только не противно законам природы, но вполне согласно с ними.

Если справедливо то утверждение, что все добрые люди желают прекращения хищничества, жестокостей, убийств и всех позорных преступлений, которыми омрачено счастье человечества, то им следует твердо запомнить ту истину, что эти результаты недостижимы при помощи борьбы и возмездия. Все родит себе подобное, и пока мы не противопоставим обидам и насилиям злодеев совершенно противоположного их обращению образа действий, пока мы будем делать то

же, что и они, то тем будем только побуждать, поощрять и воспитывать в них те злые начала, об искоренении которых как будто хлопочем. Мы будем только разнообразить формы проявлений зла, но зла самого не искореним.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ответы на возражения.

1.

Догмат Хелиазмы.

„Быть может, учение о непротивлении и истинно в главных своих правилах и требованиях, но оно неосуществимо до наступления Хелиазмы (тысячелетия), то есть до второго пришествия Христа и установления Царства Бога на земле за тысячу лет до страшного суда. В период же тысячелетия, когда весь род людской будет возрожден, высокая нравственность учения о непротивлении внезапно разовьется во всех сердцах. При настоящих же условиях жизни, при существовании такого ужасного разврата, когда большая масса людей без устали должна принимать участие в борьбе за существование, учение это совершенно неприменимо: злые люди очень скоро порешили бы с вашими праведниками, если бы они продолжали упорствовать в применении на деле правила непротивления”.

Я утверждаю совершенно противоположное.

Я утверждаю, что праведные истребили бы злых, и истребили бы их в лучшем, высшем смысле этого слова. Я утверждаю, что нужно только искренне и неослабно исполнять закон Христа о непротивлении злу злом, чтобы немедленно же настало „Тысячелетие”, чтобы немедленно водворилось бы Царство Бога на земле. При отсутствии торжества закона о непротивлении, разве мыслимо представление о том благосостоянии, какое рисует нашему воображению догмат „Хелиазмы”? Разве Царство Бога придет сразу, как вполне законченное произведение какого-нибудь чуда? Разве оно настанет внезапно, непосредственно, механически? Разве Царство Божие не внутри людей, и не из недр сердца и души ему изойти должно; не ложка ли дрожжей, положенная в три меры муки руководила брожением всех былинки муки и преобразила их в питательный хлеб? Разве каждое христианское сердце не должно заключать в себе зародыша Царства Божия и всякая христианская община не должна представлять собою в малом виде приблизительное изображение Царства Бога?

А если все мои вопросы — вопросы праздные, то чем же выяснится, чем же ознаменуется то, что люди „родились вновь”; да существует ли, наконец, то нечто, что называется „возрождением”?

Исповедуя Христа, называя себя Его последователями, люди, даже и при посредстве благодати, не могут исполнять учение Иисуса только потому,

что другие люди невоздержанны и злы. Это говорят убежденно, серьезно, и говорящие делают вид, будто не понимают, что этим заявлением они говорят откровенно, что их религия никуда не годится, что их исповедание пустые звуки, а о своем возрождении они никогда и не думали.

Логический вывод из возражения о „Тысячелетии“ представляет много крайних несообразностей. Рассмотрим их.

1. Согласившись с мнением возражателей, нужно согласиться с предположением о том, что Христос, давая заповедь о непротивлении, как правило жизни, изрекал такие требования, которые были неисполнимы до наступления эры Тысячелетия, и что Христос, зная неисполнимость своих требований, счел ненужным предупредить о том учеников своих.

2. Следует предположить, что Иисус говорил о многих обязанностях, о применении которых в эру Тысячелетия не может быть и речи; следовательно, предписывал такие правила, которые никогда исполняемы не будут.

3. Прямым выводом из догмата Хелиазмы, как его понимают оппоненты наши, то предположение, что нравственные обязанности людей, их душевный мир в период тысячелетия будет существенно различен от того духовного мирозерцания, в котором жить должны мы на основаниях, высказанных евангельскою проповедью Христа.

Бессмысленность логических выводов говорит неопровержимо в пользу бессмысленности самого основного положения возражения. Ясно, как день, что Иисус изрек заповедь о непротивлении, как заповедь обязательную ныне и легко исполнимую ныне же; что Христос никогда, нигде и ничем не намекнул о неисполнимости своих заветов ранее какого-то определенного периода; и рассуждения на темы, случайно ли Христос это сделал, или по ошибке, рассуждения в роде таких, по меньшей мере невозможны, так как они умаляют достоинство Христа.

Очевидно также, что из предположения возражения вытекает, будто Христос предписывал на время Хелиазмы такие частные обязанности, для исполнения которых не будет ни повода, ни почвы.

При водворении на земле Царства Божия, когда установление его окажется осуществившимся уже фактом, не представится никому случая применять в жизни закон непротивления злу злом, так как в то время зла уже не будет, не от кого будет терпеть обид и некому будет прощать. Не может представиться случая для непротивления там, где нет нападений, обид и оскорблений. Если соглашаться с мнением возражающих, то придется вкладывать в уста Христа такую проповедь:

„Вы слышали, что было сказано: око за око, зуб за зуб, а Я говорю вам: не противьтесь злему в дни Тысячелетия, когда силою воли Бога злых не будет, и если кто ударит вас в левую щеку тогда, когда драться никто уже не будет, то подставьте ему и правую щеку, — словом, применяйте все возвышенные добродетели, которые передаю вам, как волю Бога, не теперь, когда столько к тому предстоит случаев, не теперь, когда их применение

имело бы могущественное влияние на водворение среди людей религии любви, как противодействие учению мира; делайте все это не теперь, потому что добродетели, указываемые мною, неприменимы на практике при общем неверии, — мир слишком зол, — не стоит он того, чтобы перед ним расточать такие сокровища благочестия; делайте все это не теперь, а тогда, когда все эти добродетели никому и ни на что не будут нужны".

Вот до какого безобразия доходят возражатели, стараясь не мытьем, так катаньем выгораживать свои мирские законы.

Третье положение предполагает, что правила, духовное настроение и нравственные обязанности людей во время Хелиазмы будут иные, чем те, которые указаны нам проповедью Нового Завета.

Заблуждение это до того распространено между исповедующими христианство, что на нем счел своим долгом остановиться профессор Уфам. В сочинении своем, озаглавленном „Руководство мира", он говорит:

„Следует ли нам ожидать нового закона, новой системы образа действий? Следует ли нам ожидать нового Спасителя, нового распятия, нового исправленного издания Завета?"

„Конечно, нет! Доктрины Хелиазмы — нынешние доктрины, принципы „Тысячелетия" — те самые принципы, которые обязательны для людей нынешнего поколения, тот самый союз, который исключает всякую борьбу и соединяет все сердца, то самое Христово Евангелие.

„Евангелие есть книга великих, могущественных, неизменяемых принципов. Люди осуждают евангельские принципы, потому что не понимают их, христиане даже виновны в неуважении Евангелия, потому что, вследствие мирского легкомыслия, не дали себе труда измерить высоту и глубину этой проповеди.

„Если бы небо могло быть низведено на землю, если бы все материки заселились бы в данную минуту одними ангелами и серафимами, то и тогда Евангелие, в настоящей его редакции, было бы достаточным их руководителем, и блаженным небожителям не понадобился бы высший и лучший закон. А можем ли мы представить себе, чтобы, при каких бы то ни было обстоятельствах, ангел с ангелом был бы во вражде, чтобы серафим мстил бы серафиму, чтобы кто-либо из этих святых созданий присвоил бы себе право отнимать жизнь у другого? Какое бы то было небо, если бы на нем допущены были такие порядки, такие принципы? И невольно рождается вопрос: что же это будет за Хелиазма, во время которой допустить можно что-либо такое теоретически или практически?"

„Когда люди вполне водворятся в благодати и милосердии, на земле ли, на небе ли, разве будут тогда существовать два закона, два различных сборника руководящих принципов, из коих один будет издан для людей, а другой для прочих святых сил. Во всех великих делах правды и долга, закон для серафимов в то же время и закон для ангелов, а закон для ангелов будет и законом для людей.

„Так как безусловно несовместимо с нашим понятием о небесном мире представление о том, чтобы власть над жизнью и смертью была бы изъята из рук Бога, и чтобы ангелы и серафимы имели бы право прекращать жизнь друг друга, то точно так же существование такого права не представляется нам возможным и во время Тысячелетия, а если в эру Хелиазмы люди не будут иметь права над жизнью и смертью друг друга, то, следовательно, они этого права не имеют и теперь.

„Тот же закон, который управляет нами теперь, будет управлять нами и тогда. У нас есть Новый Завет — он же будет у нас и тогда. Вся разница лишь в том, что мы тогда будем лучше понимать его и любить мы будем сильнее и искреннее.

„Ничего к Новому Завету не прибавится, ничего от него не отпадет.

„Если закон Христа не признает неприкосновенность человеческой жизни теперь, — то неприкосновенность эта никогда не будет признана. Если закон Христа не запрещает теперь войн, то они никогда запрещены не будут. Допустив, что теперь может существовать законное непроступное убийство, что у кого-либо может быть право в настоящее время отнять жизнь у человека, то и во время водворения на земле Царства Бога нужно будет признать убийство законным, правым и дозволенным даже и в ангелоподобном состоянии людей.

„А потому, говоря, что жизнь человеческая будет неприкосновенна во время Тысячелетия, и что тогда не будет считаться правым делом убийство одного человека другим, при каких бы то ни было обстоятельствах, говоря это, тем самым мы утверждаем, что люди и теперь не в праве делать этого.

„Такое рассуждение применимо ко всем терпимым и оправдываемым ныне правонарушениям сильных мира сего по отношению к слабым и беззащитным, — словом, принципы, которые признаны будут обязательными во время Тысячелетия, те самые принципы обязательны для нас и теперь; никакой перемены в руководящих началах не будет и не требуется. Нужно только применение принципов этих в жизни. Начни завтра люди применять в жизни учение Христа, завтра же и настало бы „Тысячелетие“, завтра бы и настало Царство Бога на земле“.

„Мы как будто находим наслаждение в замедлении наступления Царства Божьего, словно в понятии этом заключаются какие-то чары. *Scribent manum injicit et quam libet festinantem in se morari cogit.* Крыло поэзии веет над представлением о великом событии Хелиазмы. Иногда оно рисуется нашему воображению в виде внезапно расцветшей пустыни, покрывшейся вдруг свежими побегами и почками, то представляется оно в виде дивного города, спустившегося с неба разукрашенным и сияющим, как невеста при встрече жениха, иногда кажется оно нам великим храмом, выросшим из-под земли, и до того обширным, что под сенью его приютились народы со всего земного шара, и храм тот построен не из тленных материалов, а стоит на нетленных столбах. Каждый великий религиозный принцип — один из столбов храма Тысячелетия. Принцип полного воздержания от пьянства — один из столбов;

он внезапно поднялся и теперь уже стоит, озаренный лучами сияния Царства Божия. Принцип прав человека, как человека, так же твердо, непоколебимо уже стоящий столб храма того. Принцип неприкосновенности человеческой жизни — третий столб. Он еще воздвигается, но скоро и он будет воздвигнут и весь сияющий в великой своей славе станет на своем месте. И так один за другим все принципы евангельские будут установлены, одна колонна за другой будут воздвигнуты, и духовный дом Господень, отстроенный вполне, станет „на верху горы" и представится глазам созерцателя куда прекраснее древнего Парфенона.

„Чего же еще будет не доставать тогда?

„Останется только людям прийти под сень этого храма и радоваться, и ликовать. В этом все значение слова „Хелиазма".

„Но пока нет в вас твердых, неизменных, непоколебимых принципов, храм, вами выстроенный, похож на тот дом, который был построен на песке: „и пошли дожди, и раскрылись реки, и подул ветер, и устремился на дом тот, и он упал и падение его было великое".

2.

Возражение.

„Применение непротивления к делу если не вполне невозможно для большинства христиан, то, без сомнения, крайне трудно даже для самых передовых, для самых развитых из их среды. Непротивление до того не по силам людям, что большинство их, изнемогая под тяжестью этого бремени, одновременно с бременем этим отвергают и самое христианство, как совершенно недоступное для человеческих сил учение. Неразумны такие требования, которые недостижимостью своею приводят в отчаяние тысячи людей и отвращают их даже от попытки хотя бы что-нибудь сделать в качестве последователей Иисуса Христа".

Так говорят многие, мнящее себя христианами, люди. Но, во 1-х, кто судья тому, что возможно и что невозможно, — человек или Бог? Во 2-х, кто может судить о том, что требуется и сколько требуется, — учитель или ученик? 3) Имеем ли мы право отказываться от долга, по тому соображению, что уплата по нем нам кажется трудною? 4) Имеем ли мы основание сомневаться в благодати и милосердии Бога, и предположить, что Он не принял в расчет сил своих должников и не соразмерил своих к ним требований? 5) Можем ли мы урезывать Христову истину с целью размножения поверхностных и неустойчивых последователей Его учения? 6) Можем ли мы, в угоду неверующим, в угоду неискренним исповедникам умалять превечные требования небесного Отца? 7) Таким ли путем Христос и Его апостолы распространяли учение любви под гнетом презрения и преследования мира?

Наконец, положи руку на сердце, спросим себя, великим ли было бы несчастьем для истинного христианства, если бы девять десятых нынешних

лицемерных и легкомысленных исповедников Христа, убедившись в обязательности закона непротивления, отреклись бы откровенно от Христа? Воистину говорю вам, тогда мир стал бы ближе к своему возрождению.

Царствует над нами и правит нами Бог, а не люди. Бог объявил закон совершенной праведности устами учителя нашего Иисуса. Бог повелел применять к делу закон непротивления всем, исповедующим Его, переданное Христом, учение. Так сказано в Евангелии, и потому пусть перестанут лицемерить наши противники, пусть скажут откровенно и прямо: верят ли они в учение Христа или нет? хотят ли постараться следовать за Ним и хранить Его учение, хотят ли исполнять свой долг, уповая на силу свыше, или нет?

Если мы хотим быть христианами, то постараемся всеми силами нашими исполнить долг наш и тогда увидим, насколько хватит у нас сил и недоступна ли наша цель. Пусть только люди искренне попробуют нести христианское непротивление, — хотя подчас и тяжелым покажется им этот крест, но за то вскоре усилия увенчаются венцом Царства Божия.

Нет такой добродетели, которая иногда не влекла бы за собой мучительных попыток. Если бы мы стали освобождать себя от всех обязанностей в виду трудности исполнения их, мы бы не могли выполнить ни единой заповеди Бога. Нет той заповеди, которая не имела бы своих мучеников и своих отступников, павших под влиянием сильных искушений, но для истинно верующего и самая смерть во имя долга будет блаженством, а для добровольно несущего крест сколько правды в словах Христа: „иго Мое благо и бремя Мое легко“.

Неужели мало примера жизни Христа и примера жизни христиан первых трех веков для утверждения того, что в непротивлении нет ничего недостижимого? Неужели этого недостаточно и найдутся люди, которым потребуется личное мое свидетельство в дополнение к столь славным свидетельствам? Неужели обратятся еще и ко мне с вопросами личного свойства:

— Как поступите вы, если на вас нападут разбойники? Что сделаете вы, если убийца будет угрожать вашей жизни, если племя дикарей ворвется в ваш дом, если чужеземная армия нападет на вашу родину?

— Что сделаю я? Если я творю правду, если я живу по-христиански, то есть разумно и любя, я буду держаться принципа непротивления, и девять раз из десяти испытаю на себе самые удивительные случаи избавления от опасности и одержу самые славные из всех побед: победы над собственными страстями и над страстями людей, нападавших на меня.

Крайняя вздорность возражения этого сразу становится ясною, когда вопрос поставлен будет прямо. Следовать учению непротивления трудно, но легко ли следование учению борьбы и возмездия? Для получения ответа на этот вопрос раскройте историю любого народа и прочтите описание одного из тех ста тысяч сражений, которые вели люди в угоду закона борьбы. На этих войнах убито несколько миллиардов людей, а в каждом из тех сражений

загублено больше жизней, перенесено больше страданий, чем бы их накопилось веками по причине непротивления злу.

3. Возражение.

„Применение непротивления гораздо труднее в мелких делах жизни, чем в случаях, выходящих из ряда обыденных явлений. В таких случаях люди черпают силы в сознании общественного одобрения и всеобщей симпатии, черпают силы в размерах самой борьбы и славе торжества. Необыкновенные события возбуждают и необыкновенный подъем духа, а этот энтузиазм родит и силу, и непоколебимость. В обыденных же явлениях, когда люди незаметно, бесследно, не вызывая ни в ком ни сочувствия, ни сожаления, проходят через тысячи испытаний, подтачивающих их жизненные силы, несказанно тяжело переносить этот сонм мелких, несносных нападений, обид и оскорблений. По смыслу же учения вашего и забитая жена грубого, пьяного мужа, и оскорбленная жертва дерзкого негодяя должны не только воздержаться от оборонительного насилия, но и от преследования судом своих мучителей. Против этой-то, крайне невыносимой, придирчивости в конечных выводах из учения вашего я и восстаю”.

Есть доля правды в том, что применение непротивления в мелочах ежедневной жизни не в пример труднее, чем применение того же закона в делах чрезвычайной важности. Но эта правда относится в равной степени и ко всем другим добродетелям. Нет сомнения в том, что гораздо легче воздерживаться от пороков своих, находясь под наблюдением, под надзором общественного мнения, несмотря даже на сильнейшие искушения, чем не поддаваться тем же искушениям в частной жизни под покровом тайны. Допускаю даже мысль о том, что легче вынести мучительную смерть при изумленной и восторгающейся толпе, чем выносить мучительство ежедневных попреков, пинков и затрещин, о которых никто не знает, а если и узнает, то не обратит внимания. Допустим, что так, но разве от этого соображения может вытекать довод в отмену самого закона? Вопрос вовсе не в том, что кому больше нравится или что кому удобнее или легче исполнить, вопрос в том: что праведно — сопротивление или прощающая любовь?

Что за жалкое обращение к снисходительности нравственного закона для так называемых мелочей жизни! Противники наши просят разрешения сопротивляться немножко, только в мелочах обыденной жизни; для того же, чтобы им быть последовательными в своем прощении, следует уже заодно просить снисхождения закона и по поводу всех заповедей. Разрешите же им в обыденной жизни и лгать немножко, и мошенничать и обманывать немножко, и грабить помаленьку, и красть полегоньку, — да, куда бы ни шло,

позвольте им уже и распутничать немножко для поддержания здоровья, с чисто гигиенической целью.

Нет! поблажек не может быть никаких! Закон и знамя правды не могут быть унижены ради личных удобств. Закон на то и издан Богом, чтобы он исполнялся без уныния во всех делах жизни, без деления их на бóльшие и меньшие, ведь именно в мелочах всякая добродетель подвергается наибольшим искушениям.

Постоянно падающая капля воды точит самый твердый камень; постоянными поблажками, которые делают себе люди в мелочах жизни, подрывают в конец все нравственные устои.

Океан состоит из капель, праведность слагается из мельчайших проявлений верности принципам любви и всепрощения.

4.

Заключение.

Возможно ли без боли и отвращения видеть в жизни народов эти поля битв, эти походные лазареты, в которых дорезывают изувеченных людей, эту пеструю роскошь военных нарядов, этих ликующих и забрызганных кровью вождей? Возможно ли без жалости и презрения видеть в ежедневной жизни эти схватки, драки, дуэли, ненависть, месть, сутяжничество и бесконечные дразги человечества, влюбленного в закон борьбы и возмездия?

Как низко, презренно и позорно все это, в сравнении с духовным героизмом, нравственным бесстрашием и славным самопожертвованием! Как скверен плод учения мира в сравнении с возрождающими сердце, спасающими душу делами истинного поборника учения Христа!

О! дух мой, не входи в тайны их, не входи в круг, освещаемый их светом! Честь моя, ни в чем не будь причастна с ними! Неужели же те, которые должны быть „светом мира“, те, которые названы Иисусом „солью земли“, — неужели они опозорят себя, свое высокое призвание и осквернят одежды свои, принимая хотя бы малейшее участие в борьбе человеческих властолюбия, честолюбия, насилия и возмездия? Неужели польстятся они на часть из оргии людоедов, станут восторгаться великолепием военного идолопоклонства и найдут наслаждение в делах жестокости и смерти?

Их удел искать дел Христовых, вдыхать в себя дух Его, идти по Его следам и находить высшее удовлетворение в совершении воли Отца. Прилично ли им бежать от опасностей Гефсимании, глядеть с отчаянием издали на крест непротivления и становиться причастным в делах ненавидящего и убивающего учения мира?

Могут ли они жаловаться на то, что обязанности любви трудны. Да совместимы ли эти два понятия? Трудно любить!

Могут ли они говорить, что непротivление невозможно или крайне трудно, когда принципы Христа, которые составляют суть и смысл жизни

последователей Его, так божественно хороши, когда дух этих принципов так небесно прекрасен, когда плоды исполнения их столь славны и святы?!

Не спору — непротивление требует точной дисциплины похотей и вожделений, требует некоторых суровых усилий и упражнений, некоторой выносливости; не спору — бывают случаи, когда требуется известная доля нравственного героизма, — но разве вследствие этого непротивление становится менее привлекательным подвигом для благородных душ?

Нет, нет и нет! Чем труднее подвиг, тем громче звучит призывный голос, тем сильнее возбуждает он благородное честолюбие сделать хоть что-нибудь достойное Христа, быть хотя бы чуть похожими на Божественного Учителя, быть достойным той любви, которая купила наше спасение ценою собственных слез, мук и крестной смерти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Непротивление по отношению к правительству.

1.

За человеческое правительство или против него стоит непротивление?

За человеческое правительство *per se* или против него стоит непротивление в том смысле, в котором оно определено и разъяснено в настоящем сочинении?

Это зависит от того, какой смысл придан будет прилагательному „человеческое“. Если словам: „человеческое правительство“ придан будет тот смысл, что будто человек имеет присущее ему, прирожденное, безусловное право предписывать другим людям законы и произвольно властвовать над ними, то учение о непротивлении выскажется против человеческого правительства. Оно отрицает существование у человека такого права и признает это право только за Богом. В этом последнем смысле правительство непременно божественно, так как человек всегда подчиненный, а не правитель, и если он потребует когда-либо чего-либо противного закону Бога, он всегда является мятежником против Бога и самозванцем относительно ближних своих, равных ему людей.

Человек не может издавать других законов, кроме Божьих, и управлять может он только с Божьего соизволения и утверждения.

Если же под словами: „человеческое правительство“ подразумевать осуществление правительства Божеского посредством человеческих учреждений, которые будут, как и все человеческое, не без случайных несовершенств, то учение о непротивлении будет стоять за такое правительство.

Непротивление признает человека за существо общительное, оно признает связь и обязательства, существующие между людьми, между

мужем и женою, родителями и детьми, ближними между собою родами, общинами и народами. Непротивление сочувственно относится ко всяким общественным учреждениям, основанным на любви к Богу и людям.

Человеческое правительство, как понимает его закон непротивления, было бы учреждением общественным, конституциею, подвластною высшему закону, — закону Бога. Конституция эта отрицала бы всякое превышение власти, клонящееся к установлению такого закона или обычая, которое нарушало бы естественное равенство и братство всех людей. Она положила бы в основу права изречение: „Не противься обиде — обидою, не воздавай злом за зло. Зло может быть побеждено только добром". Она направила бы все умственные, нравственные, физические и финансовые силы народов к развитию образования, к общему благосостоянию; в администраторах и чиновниках своих признавала бы слуг общества, а не повелителей его, не присваивала бы им ни особенных вознаграждений, ни особенных почестей, — все люди равны, а слуги не больше господ своих. В этом конституционном правительстве не существовало бы государственной тайны, и интересы правительства не могли бы расходиться с интересами людей, добровольно подчинивших себя статьям конституции. Отрицая всякий произвол, она установила бы все законодательство и исполнительные мероприятия свои единственно на правоте и способности своей обеспечить общее благо. О пышности, отличающей представителей правящих классов, перестали бы и помышлять; все парады, колокольный трезвон, пушечная пальба, все ребяческие знаки отличия были бы преданы забвению; правительство конституции было бы просто и не вызывало бы потребности на бессмысленные затраты, на расходы представительства, для развлечения толпы и на показ зевакам.

Под мудрыми законами такой конституции не нашлось бы ни одного сановника, который согласился бы жить в лучшем доме, есть лучшую пищу, носить более богатую ливрею, чем всякий обыкновенный гражданин. Всякому неиспорченному человеку стыдно отличался роскошью своею от обыкновенных смертных, а в конституции той, которую рисует нам наше воображение, всем памяты бы были слова Христа: „Больший из вас да будет всем слугою".

Вот какова будет христианская республика. Она осуществит предсказание пророка:

„И сделаю начальством твоим мир и приставником твоим правосудие и не будет более слышно насилия на земле твоей, обиды и несчастья в пределах твоих" (Исаия, гл. LX, ст. 17 и 18).

И такое правительство будет, и будет по всей земле!

Христианское непротивление — предвозвестник того правительства, и оно будет приветствовать приход правительства будущего среди радостных кликов просветленного мира. Тогда люди оглянутся на наши теперешние полуварварские правительства, и они покажутся им такими, какими кажутся современным философам военнначальники краснокожих индейцев.

2.

Человеческое правительство de facto.

Учение о непротивлении не может в одно и то же время отстаивать два противоположных направления и потому не может сочувственно относиться к правительствам, какими они сложились в действительности. Непротивление не может защищать войны, смертной казни, порабощения ума и духа масс в угоду нескольким личностям, не может сочувствовать судебному возмездию, насилиям и обидам. А потому учение о непротивлении отрицает законность всех тех правительств, которые основаны и держатся законом борьбы и возмездия.

Прежде чем добровольно сделаться участниками в управлении страной, последователи Христовой заповеди о непротивлении требуют отмены всех анти-христианских статей наших национальных и государственных конституций, и в этом случае они безусловно правы.

„Нет, они не правы, — отвечают наши противники, — не правы они в том, что обвиняют нашу конституцию в принципиальном отстаивании войны, смертной казни и судебного возмездия. Конституция наша мирится с необходимостью этих бед, но не сочувствует им”.

„Но допустив даже, что обвинение в жестокости, взводимое на конституции, и верно, то и тогда последователи учения о непротивлении все же остаются неправыми, отказываясь от участия в управлении своей страной, пока все существующее зло не будет отменено”.

„Устраняясь от служебной деятельности, отказываясь от права голоса в вопросах законодательных, на чем могут они основывать надежду свою, что зло, ими намеченное, когда-либо будет вырвано с корнем?”

„Кто же отменит, кто отбросит это зло, кто сделает нужные поправки в конституции, если те, которые видят его и скорбят душою над теми несовершенствами, если они не хотят пошевелить даже пальцем с целью сдвинуть зло с насиженного им места? Участвуйте в правительстве вашей родины с целью преобразования его: вашим отступничеством от деятельного участия в нем вы больше всего вредите собственным целям”.

Так ли?

Противны ли основному закону нашего государства война, смертная казнь и судебное возмездие и не процветают ли все эти ужасы под его покровительством.

За ответом далеко ходить не нужно, все ответы изложены в конституции Соединенных Штатов Америки.

Но почему бы не принимать участия в управлении с целью преобразовать его?

И большинству людей это соображение кажется полным здравого смысла. Но это только так кажется. Если бы мнительность непротивящихся касалась мелких подробностей и случайных несовершенств в

существующем порядке вещей, то приведенное умозаключение было бы, пожалуй, и верно. Убеждение последователей Христа не требует полного совершенства, — они охотно признают правительство, которое было бы христианским в своих основах, и знают, что мелкие заблуждения, недостатки в подробностях и случайные злоупотребления не могут быть совершенно устранены. Но в существующих правительствах все основано на антихристианском фундаменте: военная и судебная карающая власть составляет плоть и кровь их, основу их жизни. Существующие правительства — полная противоположность непротивлению и относятся они друг к другу, как гордость к смирению, гнев к кротости, мщение ко всепрощению, смерть к жизни.

Все существующие конституции имеют двойной характер: характер провозглашения и характер договора. Они провозглашают, что именно должно считать правдой и долгом, они же составляют и торжественный договор, в силу которого все граждане уговариваются между собою относительно того, что может и что должно быть сделано во имя блага всего народа. Конституции написаны ясно и точно, и человек, согласившийся с теми конституциями и присягнувший в верности им, тем самым признает себя членом установленного тем договором сообщества, тем самым он признает правдой и добром все цели, какие преследует тот договор-конституция и обязан честно содействовать выполнению всех тех целей.

Если я подпишусь под конституцией, которая провозглашает не мои убеждения, то я лжец; если же я не намерен честно содействовать практическому осуществлению целей договора-конституции, то я буду лжецом, клятвопреступником.

Непротивление не может ни лгать, ни нарушать клятвы. Принимая какую бы то ни было должность, даже должность полевого сторожа, требуется присяга и торжественное обещание поддерживать конституцию не отчасти, а вполне; даже мнения своего в собраниях граждан не в праве подать, не связав себя предварительно присягою ни в чем не расходиться с основными началами конституции; даже избиратель при общей подаче голосов и тот связан провозглашением общих убеждений и взаимным договором.

Все обязаны вести дело управления известным, определенным путем и поддерживать его значение военною силою, и потому, со стороны того, чье сердце не верно конституции, было бы мошенничеством являться на баллотировку, так как он не намерен добросовестно поддерживать конституцию в том виде, в каком она есть, а мечтает о нарушении договора, о замене существующей конституции другою.

Неужели возможно допустить, чтобы я, непротивящийся, был бы членом общества, имеющего армию, флот и военные учреждения?

Неужели я могу согласиться на то, чтобы наш первый слуга, президент, командовал бы армией и флотом и водил бы братьев моих убивать братьев же моих — иноплеменников?

И я буду участвовать в выборе такого сановника, буду приводить его к присяге и именем Бога буду обязывать его делать дело убийства и насилия? Никогда!

Как безобразно нелогично оказывается возражение в пользу участия в делах мира сего и как бессмысленно оказывается по поверке то, что с первого взгляда казалось последним словом здравого смысла!

Конгресс уполномочивает объявить войну.

Мои представители уполномочивают делать это злодеяние от моего имени и по своему произволу. Они имеют власть обратить целую нацию в безбожных убийц и разбойников, они имеют власть объявлять справедливыми и правыми все эти ужасы, они имеют право позволять совершение всех преступлений, и все это на основании моего уполномочия.

Ни за что, никогда! Это вопиющая мерзость!

На таких условиях я никогда не приму никакой должности. На таких условиях не хочу быть ни избирателем, ни избираемым, при таких условиях я не присоединюсь ни к церкви, ни к государству, пока они будут поддерживать такие верования, пока и церковь и государства не перестанут распинать Христа.

Каперские свидетельства дозволяются правительствами.

Каперские свидетельства не что иное, как поручение, даваемое правительствами воюющих сторон безнравственным разбойникам грабить и убивать безоружных людей в открытом море. Люди те могут быть самыми мирными и честными людьми на свете, но если они принадлежат к известной нации, которой объявлена война правительством моей страны, то грабить их имущество становится делом законным и даже патриотичным, а жизнь их отдается на произвол кровожадным акулам — пиратам.

Обыкновенного разбойника презирают, ловят и вешают, а выдают каперские свидетельства, — уполномочивают на воровство, грабеж и убийство.

И в таких возмутительных делах предлагают принимать участие истинным ученикам Христа, верующим в обязательность заповеди о непротивлении?

Смешно сказать, а предложение такого рода делается даже искренно.

„Если свет, который в вас, стал тьмою, то какова ужасна та тьма, в которой ходите вы и спотыкаетесь!“

3.

Законодательная и политическая деятельности.

Многие полагают, что законодательная и политическая деятельности дают возможность добрым, хорошим людям способствовать нравственному преобразованию общества или, по крайней мере, дают им возможность поддерживать здравый общественный порядок.

Вот причина того, что так часто приходится слышать голоса, раздающиеся в пользу усиления некоторых карательных узаконений и о выборе на ответственные должности честных и правдивых правителей.

Ничего нельзя сказать против законодательной и политической деятельности, которые преследовали бы истинно-христианские цели. Нельзя отрицать той местной и временной пользы, которая была принесена законодательной деятельностью народных избирательных голосований, но я утверждаю, что при существовании этой системы слишком мало той законодательной и политической деятельности, которая могла бы быть признана деятельностью вполне христианской; я отрицаю, чтобы добрые, хорошие люди способствовали бы поступательному движению в сторону осуществления евангельских истин настолько, насколько они вредят нравственному преобразованию своею законодательной и политической деятельностью.

Что скажут нам факты?

Разве не факт, что люди, ревностно преданные судебной деятельности, люди, посвятившие себя всецело преследованию нарушителей закона, теряют обыкновенно чуткость души, теряют способность нравственного воздействия? В характере их развивается непримиримая, гнетущая, упрямая сила, и они становятся предметом страха для смиренных и добрых людей и предметом ненависти и презрения для беззаконников. Общее и повсеместное явление — то, что упование на судебные кары, упование, возлагаемое на насилие, везде и всегда действует более растлевающе, чем приносит пользы. Упование это в отношении нравственном немногим менее вредно, чем в отношении религиозном, но вредно оно всегда и безусловно.

Разве не факт, что хорошие, добрые и по природе своей честные люди, благодаря тому обстоятельству, что состоят в разных политических партиях, под предлогом исполнения своего долга подают свой голос то за, то против тех же политических деятелей, то за, то против тех же правительственных мероприятий. Зачем эти постоянные противоречия самому себе? Требуется ли такого двуличия просвещенное человечество? Без сомнения, не требует, и одно из двух: или люди эти нехорошие, нечестные люди, или понятие их о долге фальшиво.

Разве не факт, что во всех парламентских схватках самые честные, добросовестные и осмотрительные люди всегда находятся в задних рядах, в хвосте своей партии? Разве лучшие, самые мудрые люди каждой партии выдвигаются вперед, как вожди-предводители? Разве главными распорядителями, настоящими хозяевами всякого положения, теми, кто за кулисами двигает всеми пружинами, не бывают всегда себялюбивые недобросовестные люди? Сколько бы ни приводилось отдельных исключений, но не таково ли общее правило? А раз оно таково, то куда девается предположение о том, будто политическая деятельность так пригодна для нравственного преобразования и для водворения здорового общественного порядка?

Факты противоречат теории.

Хорошие люди в политических партиях — не вожаки, а ведомые; сами они не пользуются своей политической деятельностью, сами они — обманутые орудия в руках безнравственных руководителей; они всегда служат пешками, которые произвольно передвигают с верху в низ, с центра на фланги, туда, где они окажутся нужными для счета или для показа. Они нужны для того, чтобы предложениям коноводов своей партии придать известную почтенность, известный вес; они составляют нравственный капитал своей партии и служат как бы приманкой для уловления в сети таких же, как они, честных и добрых простаков.

Разве не факт, что редко кто из достигших высших политических сфер людей высоконравственных и обладающих возвышенным образом мыслей оставил бы свой пост не оклеветанным, не запятнанным или не бросил бы политическую деятельность с полным отвращением?

Что же доказывают все эти факты?

Они доказывают, что при существующей системе управления законодательная и политическая деятельности — деятельности антихристианские и что политические люди влиятельны лишь как орудия зла.

4.

Как преобразовать правительство?

Главное достоинство всех существующих правительств то, что они могли бы быть, хуже, чем они есть. Они хороши настолько, насколько требуют того народные массы, насколько народные массы способны их оценить. Правительства везде и всегда являются точными представителями совокупности разума, света, нравственного чувства и умственного развития того народа, который живет под тем или другим правительством. Народ с ложными и низкими верованиями, с фальшивой и ложной нравственностью, с низким и неразвитым умом, будет иметь соответственную ложную и низкую общественную организацию, будет иметь ложное и низкое правительство. Эскимос, готтентот и ново-зеландец непременно измыслят себе и учредят эскимосское, готтентотское и ново-зеландское правительства.

Причина, в силу которой у нас нет христианского правительства, — в том, что народ наш в совокупности своей не христианский народ. Общая религия гораздо ниже Христовой проповеди, совокупная общественная совесть, общественное нравственное чувство еще полу-варварские и общественное разумение еще не развито знанием, еще недостаточно просвещено, чтобы понять, как низка общепринятая государственная религия и как подла общепринятая законность.

Вот почему народ не стыдится ни войн, ни виселиц, ни судов. Он не видит, не понимает, что эти вопиющие противоречия заповедям Христа губят его счастье, что в них — причина его проклятия. Отречение от учения

Иисуса до того полно в народе, что предложи ему кто-нибудь сегодня вполне согласную с евангелием конституцию, он наверно с презрением забаллотирует это предложение, а если бы удалось его обманным образом подвести под управление вполне христианской конституции, он бы не сумел ужиться под кроткой ее державою.

Прежде всего надо просветить народ, надо очистить его нравственное чувство, разбудить в нем совесть и преобразовать его религиозные верования и убеждения, — а этого сделать нельзя ни посредством баллотировок, ни общей подачей голосов, ни в погоне за влиятельными должностями, — это достижимо только верною передачей истинно-христианского учения посредством истинно-христианских примеров. Это дело тех людей, которым посчастливилось познать высшие истины и уверовать в них. Эти люди должны высоко держать знамя истины, просвещать других светом, который в них есть, и терпеливо совершать великое свое дело воссоздания новых сердец и нового духа. Эти люди не должны ни отрекаться от своих убеждений, присоединяясь к правительствам, чтобы искоренять злое, ни прибегать к антихристианским средствам в борьбе с правительствами, ни презирать того, что в правительствах есть правого и доброго.

Таков узкий путь, но прямой путь Христа. Когда значительная часть народа, просветившись, посвятит себя христианскому непротивлению, тогда так силен станет прилив общественного мнения и общественное чувство так громко выскажется против войны и всей системы насильственно карательного управления, что менее просвещенная и менее совестливая часть народа силою вещей, даже помимо воли, последует за общим течением, и все остатки варварства один за другим будут отвергнуты и отойдут в предание. Одновременно и правительства будут обращены в христианство, и тогда самый из добросовестных последователей учения о непротивлении свободно станет исполнять любую должность, какая ни выпадет на его долю для общего блага.

И деятельность истинных последователей Христа в этом направлении уже началась, и переворот уже совершается и совершится он гораздо скорее, чем предполагалось и ожидают того как слабые сердцем друзья наши, так и глумящиеся над нами противники.

Было бы безумием или шутовством, если бы кучка непротивящихся вмешалась бы в политическую борьбу и запряглась бы в колесницу Джагернаута в надежде убедить ошалевшую толпу в ложности того идола, которому она поклоняется. Призвание истинных учеников Христа в том, чтобы не иметь ничего общего с бесплодными делами тьмы, но обличать их, учить народ, показывать ему пример того, что и как должно быть, а не подчиняться тому, что есть. Свидетельствовать против духовной испорченности руководящих сфер, побуждать народ к верной оценке политической жизни родной страны и заставлять его гнушаться дурных ее проявлений, просвещать народ, а не призывать его к покаянию, убедить

тридцать тысяч вероучителей наших в том, что они учат не Христовой вере, и что пора перестать способствовать торжеству военной силы, пора перестать благословлять убийство и насилия, пора не прикрываться именем Христа в угоду лжи и коварства и обмана, пора обратить наших членов разных церквей в истинное, правое христианство, в то первое и древнейшее христианство, которое побудило мученика сказать перед грозящей ему смертью: „Я христианин и потому не могу сражаться“.

6.

Правительству не нужна сила сокрушающая.

„Все это утопии, мечтания поэтических душ, это химеры расстроенного воображения! — восклицают защитники существующего порядка вещей. — Правительство немыслимо без военной силы, правительство без карающей власти — абсурд, так как оно обязано прекращать личные преступления и восстанавливать порядок, нарушаемый мятежной толпой; при отсутствии власти военной и судебной правительство было бы телом без души, домом без фундамента, чем-то таким, что не может существовать“.

Таково, действительно, мнение большинства относительно правительств вообще, но это мнение ложное; оно — порождение невежества и заблуждения, это — чистейший самообман.

Мнение это главным образом основано на данных исторических, и из того факта, что так было всегда в прошлом и в настоящем положении существующих государств, делается тот вывод, что так будет всегда и иначе быть не может. Так как до сих пор люди были варварами и законы у них были варварские, то они должны оставаться варварами во веки веков.

Африканец, житель тропических стран, не хочет верить в то, что вода может представлять из себя твердое тело, он отрицает существование льда и готов даже силою оружия поддержать свое убеждение.

Защитники правительств борьбы и насилия рассуждают так же логично, как и африканец.

Существует закон природы, в силу которого вода переходит из капельножидкого состояния в твердое, и африканец не прав, отрицая этот закон потому только, что ему не приходилось присутствовать при этом явлении природы. Существует закон Христа: не противься злу, и отрицать исполнимость этого закона тем, кто называет себя последователем Христа, еще более непозволительно, чем отрицание африканца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие. И. Горбунова-Посадова	3
Предисловие	11

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О христианском непротивлении злу насилем

1. Различные роды непротивления	13
2. Значение слова „непротивление“	14
3. Значение слова „сила“	16
4. Значение слова „обида“	17
5. Значение выражения „христианское непротивление“	20
6. Основной текст непротивления	21
7. Необходимые применения непротивления	24
8. Чего истинный христианин делать не может	26
9. Основное правило непротивления	27
10. Заключение	32

ГЛАВА ВТОРАЯ

Доказательства из Св. Писания

1. Первое доказательство	34
2. Уклончивые толкования этого текста	36
3. Первое уклончивое толкование	37
4. Второе уклончивое толкование	—
5. Третье уклончивое толкование	39
6. Четвертое уклончивое объяснение	40
7. Пятое уклончивое толкование	41
8. Шестое уклончивое толкование	42
9. Зачем отвечать на уклончивые толкования	45
10. Второе доказательство	—
11. Третье доказательство — всепрощение	48
12. Дальнейшие важные доказательства	51
13. Апостольские свидетельства	53
14. Общий обзор очевидных доказательств	56
15. Первые христиане	59
16. Свидетельство Цельзия и Гиббона	61

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ответы на возражения, ссылающиеся на Св. Писание

1. Возражение первое. Отрицание Ветхого Завета	63
2. Голос Нового Завета	65

3. Голос Ветхого Завета	70
4. Возражение второе. Бич из веревок	73
5. Два меча	77
6. Возражение четвертое. Смерть Анания и Сапфиры	79
7. Возражение пятое. Человеческие правительства	80
8. Покорность правительствам, а не соучастие в них	85
9. В каком смысле все существующие власти установлены Богом	86
10. Фараон — служитель Бога	87
11. Ассирийский царь — служитель Бога	88
12. Соображения, по которым правительства установлены Богом	89
13. Отношение апостола Павла к правительству	92
14. Заключение	96

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Непротивление и законы природы

1. Природа и законы природы	98
2. Самосохранение	100
3. Истинный способ самосохранения	101
4. Возражение	103
5. Аналогия с животными	105
6. Общепринятый способ самосохранения безусловно ложен	108
7. Пять главных законов человеческой природы	109
8. Гармоническая связь этих законов	112
9. Совершенное согласие непротивления с этими законами	113
10. Все рождает себе подобное	115
11. Примеры из обыденной жизни	117

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ответы на возражения

1. Догмат Хелиазмы	121
2. Возражение	128
3. Возражение	131
4. Заключение	133

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Непротивление по отношению к правительству

1. За человеческое правительство или против него стоит непротивление?	135
2. Человеческое правительство de facto	138
3. Законодательная и политическая деятельности	142
4. Как преобразовать правительство?	145
6. Правительству не нужна сила сокрушающая	148

А. Балз. **“Учение о христианском непротавлении злу насилием”**

Источник текста:

Адин Балз. **“Учение о христианском непротавлении злу насилием”**.
Пер. с английского Л.Л.Толстого. с пред. И.И.Горбунова-Посадова. М.,
"Посредник", № 697, 1908.

Редактор: Адаменко В.В.
Эл. адрес: adamenko77@gmail.com

Макет создан: 10.08.14
Сдан в печать:

Тир. 999 экз.